

Ирина Якоби

*Ожидание белого
Рождества, или
Датская сказка
для русских золушек*

Ирина Якоби

**Ожидание белого Рождества,
или Датская сказка
для русских золушек**

«Издательские решения»

Якоби И.

Ожидание белого Рождества, или Датская сказка для русских золушек / И. Якоби — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908133-9

С самого детства Ива мечтает о счастливой жизни в стране любимого сказочника Г.-Х. Андерсена. И когда в свои тридцать семь лет она оказывается у широко открытой двери, ведущей в датскую сказку, то, не задумываясь, заходит в неё, переезжая на постоянное место жительства в Данию. Ива счастлива. Но надолго ли? С какими трудностями ей придётся столкнуться и с какими силами вступить в схватку для защиты своего счастья и даже жизни? Хватит ли у неё сил? Выстоит ли в той борьбе?

ISBN 978-5-44-908133-9

© Якоби И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ожидание белого Рождества, или Датская сказка для русских золушек

Ирина Якоби

© Ирина Якоби, 2018

ISBN 978-5-4490-8133-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Наверное, каждый мечтает однажды оказаться в сказке, где можно жить долго-долго, а главное, счастливо. И для, пожалуй, каждой представительницы прекрасного пола сказка невозможна без сказочного королевства и прекрасного принца. И это уже не удивляет, что для многих и многих сказочное королевство непременно должно располагаться в западном направлении, а родным языком прекрасного принца обязательно должен быть один из европейских языков. Королевство Дания, отвечая всем необходимым требованиям, возглавляет немногочисленный список сказочных королевств мира. Самое главное, что в этой особенной стране почти все люди счастливы. А счастливы они, видимо, потому, что понимают, в какой сказке живут. И, может быть, совершенно неслучайно, что великий сказочник Андерсен, чьими сказками Ива зачитывалась когда-то в детстве, родом именно отсюда.

И, собственно, с тех давних пор ивина детская душа долго была окутана мечтами о счастье, грезившемся ей неким чудом, возможным только в стране Андерсена и только во время снежного Рождества. Повзрослев, она, конечно, поняла, что датское счастье – абсолютно несбыточная мечта, и ей пришлось тогда сделать огромное над собой усилие, чтобы продолжить жить не в придуманном, а в реальном мире. И только изредка той сладостной мечте удавалось прокрадываться в ивины мысли, увлекая её в далёкую Данию, где она могла посидеть на берегу моря рядом с очаровательной русалочкой, побродить в рождественский вечер по засыпанному снежными хлопьями узким, вымощенным камнями, петляющим улочкам. Ива ясно себе представляла, как она бредёт по ним, заглядывая в ярко освещённые окна домов, в которых вокруг украшенных золотыми яблоками, разноцветными гирляндами и свечами рождественских ёлок веселятся счастливые люди. А снег всё идёт и идёт, не переставая. Снежинки, кружась в своём лёгком и совершенном танце, всеми цветами радуги переливаясь в свете уличных фонарей, засыпают улочки необыкновенно красивым пушистым ковром, словно сотканным из миллионов маленьких хрусталиков, похрустывающих под ногами.

«За последние пятнадцать-двадцать лет климат очень сильно изменился. И на Рождество у нас уже давно-о нет снега», – вспомнились Иве слова Ларса, и от этого ей сделалось очень грустно. Ещё бы! Через много лет, несмотря на весь свой абсурд, её давняя мечта детства неожиданным образом почти реализовалась, и наступил, наконец, долгожданный и торжественный момент, и вот она здесь, в Дании, и до абсолютного счастья, казалось бы, рукой подать, парниковый эффект успел изменить климат до такой степени, что, возможно, и в этом году её мечта будет продолжать оставаться только мечтой. «Рождество без снега... – Ива задумалась. Неожиданно ей на ум пришли слова известной рождественской песни Ирвинга Берлина. – *I'm dreaming of a white Christmas, just like the ones I used to know...*» Посмотрев по сторонам, она продолжила свой путь, пролегающий через центральный городской парк. Довольная улыбка осветила её лицо: «Надеюсь, что в этом году произойдёт чудо, и Рождество непременно будет снежным!»

Внезапный порыв ветра сильно ударил Иву в лицо. Холод мгновенно окутал всё её тело, покрывая кожу мурашками. «Уф! Откуда прилетел этот жуткий ветер? Холодно, как же холодно! Чертовщина какая-то. В утреннем прогнозе погоды не было и намёка на похолодание. Предлагал же Ларс довезти меня до школы, а я отказалась, желая получить удовольствие от утренней прогулки», – подумала она, поёжившись. Но вдруг, прыгая метровыми скачками, пересёк ей дорогу большой серый заяц и исчез в высоких и пышных кустах роз. Ива, испугавшись от неожиданности, остановилась, как вкопанная. До сих пор она не может привыкнуть, что в центральном парке города среди бела дня прыгают зайцы. Она постояла немного, посмотрела по сторонам, пытаясь уловить в лицах встречных людей, которые тоже могли видеть зайца, хоть какую-нибудь реакцию на его внезапное появление. Но нет. Никакой реакции. Для них –

это обычное явление. Ну, естественно, они привыкли жить в сказке, а для Ивы, прожившей в Орхусе только лишь два месяца, многое пока ещё в диковинку.

Как, например, до сих пор вызывает у неё огромный восторг необыкновенный воздух этого города, всегда наполненного благоуханием зелени и цветов до такой степени, что порой кажется, что ты попал в парфюмерный магазин. Она практически ощущает даже малейшие изменения в композиции составляющих его ароматов, когда, например, одни цветы отцветают, а какие-то новые распускаются. Недавно они с Ларсом прогуливались по парку, и Ива обратилась к мужу: «Ты чувствуешь, какой здесь душистый воздух? Сегодня ароматнее, чем обычно». Он закрыл глаза и вдохнул полной грудью. Ещё раз. Ещё. И в результате со смущением ответил: «Да нет, любимая, по-моему, всё, как обычно».

После лёгкого шока от неожиданной встречи с длинноухим прыгуном и от непонятно откуда прилетевшего холодного ветра Ива продолжила свой путь в направлении школы. Погода стояла прекрасная, и она шла, наслаждаясь завораживающими своей красотой и гармонией красками чудесного августовского утра и мягким, ласкающим её лицо и плечи теплом солнечных лучей, кое-где пробивающихся сквозь густые кроны деревьев. «Странно, здесь всё так странно и необычно! И зайцы в центре города, и по-зимнему холодный ветер посередине лета!» – подвела Ива итог всему увиденному и прочувствованному за последние шесть, а, может быть, и семь минут. В этот момент она посмотрела на элегантный подарок Ларса, с достоинством располагающийся на её левой руке и являющийся предметом ивиной гордости. Стрелки Ролекса на своём перламутровом циферблате отметили без двадцати пяти минут восемь.

«Занятия начинаются в восемь. Надо торопиться», – подумала она и ускорила шаг, что было для неё, такой длинноногой и спортивной женщины, достаточно простой задачей, особенно в удобных туфлях от Поля Смита, которые она с особым вниманием сегодня утром подбирала к своим любимым голубым джинсам от Стеллы Маккартни. А её шёлковый драпированный топ небесно-голубого цвета от Жана-Пьера Браганза, чудесным образом гармонирующий и с джинсами, и с сумкой от Ив Сен Лорана, давал возможность её разогретому от ходьбы телу наслаждаться утренней свежестью. Ива улыбнулась: «А какой всё-таки ароматный здесь воздух!»

* * *

«Боже мой! Да когда же они высохнут?! Так ведь можно и опоздать! – ворчала Лада, стараясь как можно быстрее просушить феном свои длинные и густые волосы, которыми обычно гордилась, но в данный момент практически ненавидела. Наконец, решив оставить их недосушенными, она легко, почти бегом, проскользнула в спальню и достала из гардероба свою одежду, продолжая шёпотом причитать. – Лучше бы я их вообще не трогала. Господи, какая же дурная привычка мыть волосы по утрам!»

Метнув взгляд в сторону спящего Ульрика, Лада с ужасом осознала, что могла его разбудить своими неосторожными движениями. «Мне повезло. Спит», – удовлетворённо подумала она. Его одеяло было откинута в сторону, обнажая почти всё мускулистое и хорошо сложенное тело, которое запросто могло бы принадлежать молодому парню лет двадцати пяти. Лада в спешке совершенно не заметила, что муж, слегка приоткрыв глаза, внимательно за ней наблюдает. Она уже успела натянуть на себя джинсы и блузку, неделю назад купленные Ульриком в магазине «Фютекс», товары которого отличаются низкими ценами и неплохим качеством, и подошла к большому зеркалу, заканчивая с последними деталями своего гардероба, как вдруг услышала полусонный, чуть с хрипотцой, капризный голос мужа, заставивший её вздрогнуть:

– Смотри, дорогая, мой дружок что-то хочет.

– Может быть в туалет? – на долю секунды совершенно потеряв контроль над собой, съязвила Лада, уже не в первый раз раздражаясь безмерной эгоистичностью своего мужа. Но тут же испугавшись своих слов, понимая, что последствия такого дерзкого высказывания могут быть для неё катастрофическими, она стала отработывать назад, стараясь смягчить ситуацию. – Но, милый, видишь ли, я должна торопиться. Ведь сегодня, если ты помнишь, начинаются занятия в школе. А я уже опаздываю. Извини.

– Иди сюда, малыш. Иди ко мне скорее, – томным голосом, как будто не услышав возражение со стороны жены, невозмутимо продолжил Ульрик, полностью сбросив со своего тела одеяло. Затем, сделав небольшую паузу, он протянул более жёстким и требовательным голосом. – Постарайся меня не разочаровывать. Я это очень не люблю, мой сладкий.

Лада, осознавая, что ей не удастся прийти в школу вовремя, тяжело вздохнула и поплелась в сторону широкой кровати, на которой, закинув голову назад и закрыв глаза, распластался Ульрик. Его тело напряглось и затрепетало от предвкушения удовольствия. Она села на край кровати и наклонила голову над мужем. Когда же её густые волосы рассыпались по его телу, мешая выполнять то, ради чего ей пришлось задержаться дома, она останавливалась и поднимала голову, пытаясь нервно собрать опять и опять выскальзывающиеся из пучка волосы.

Вдруг Ульрик неожиданно отбросил жену на другую сторону кровати, заскочил на неё и стал стягивать с неё одежду. Затем он схватил Ладу и бросил поперёк кровати, широко разведя её ноги и одновременно поднимая их так высоко, что её колени касались груди. Она, чувствуя себя былинкой в его сильных и грубых руках, безрезультатно порывалась освободиться, что только ещё больше заводило Ульрика. В следующий момент он поднял её ноги ещё выше и, зажав ладонью ей рот, мощным ударом вонзился в её тело. От боли у Лады на глазах выступили слёзы, что абсолютно не подействовало на её мужа, продолжающего совершать свои мощные и резкие движения.

Всё закончилось гораздо быстрее, чем обычно, и он затих, совершенно обессиленный. Она же, пользуясь моментом, осторожно поднялась с кровати и прошла в ванную комнату, ощущая дискомфорт в нижней части тела. Холодный жёсткий комок предательски подступил к горлу. Прекрасно понимая, что от слёз глаза могут покраснеть и опухнуть, Ладе пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы не расплакаться. Через несколько минут она осторожно прошла в спальню за рюкзаком и, обнаружив свою спящую молодецким сном и сладко посапывающую половину, подумала: «Угомонился. К лучшему».

Выбежав на крыльцо дома, Лада схватила велосипед, выкатила его за ограду и, с трудом запрыгнув на своё старенькое двухколёсное транспортное средство, быстро закрутила педалями. Каждая неровность на пути отдавалась тупой болью в нижней части тела. А в голове вертелась только одна мысль: «Как я устала. Боже, как я устала! Неужели я пришла в этот мир только для того, чтобы терпеть унижения?! Что, мне запрещено быть счастливой и любимой?!» Слёзы рекой текли из глаз, от ветра и солнца мгновенно высыхая на лице и оставляя при этом неприятное ощущение жжения. Проплавав всю дорогу, она даже не поняла, как, почти вслепую, смогла доехать до школы датского языка.

Примерно пять минут ей пришлось потратить на поиск парковочного места для своего железного коня на школьной велосипедной стоянке, переполненной множеством разнообразных двухколёсных средств передвижения. Лада быстро поставила велосипед и, смахнув тыльной стороной руки ещё не упавшие с глаз слёзы, пригладила растрепавшиеся от ветра волосы и помчалась лёгкой походкой к главному входу.

* * *

Пятиэтажное здание школы датского языка уютно расположилось в самом центре города и извне не производило особого впечатления, сильно напоминая обычную постройку сталин-

ского периода, какими заполнена вся центральная часть сибирского города Новогорска, где Ива родилась и прожила почти все свои тридцать восемь лет. Но в отличие от сибирских, эта датская постройка тысяча восемьсот девяностого года настолько хорошо холилась и лелеялась, что выглядела гораздо моложе не только своих лет, но и новогорских строений периода правления товарища Сталина. Внутри же это здание ярко и вызывающе демонстрировало результаты победы рациональной мысли и научного прогресса над возрастом здания.

Иве уже не в первый раз в течение этого короткого времени, что она прожила в Дании, стало немного обидно за Россию. Почти каждый день в течение двух месяцев она живёт, переполненная смешанными чувствами радости и грусти, восторга и обиды. А происходит это потому, что всё, что она видит и переживает здесь, в стране своего нового обитания, она неосознанно сравнивает с тем, что она видела и переживала ещё совсем недавно у себя на родине.

С противоречивыми чувствами на душе она подошла к нужной ей аудитории, дверь которой была приоткрыта, и можно было очень хорошо слышать несколько голосов, весело переговаривающихся между собой по-английски. Ива широко открыла дверь и уверенной походкой прошла внутрь помещения, пытаясь при входе мгновенно натянуть на лицо маску счастья и радости с очаровательной улыбкой, приоткрывающей два ряда белоснежных и ровных зубов, приветствуя всех присутствующих: «Хай!» За долгий период своей жизни в России она усвоила простой урок, что не следует усложнять себе жизнь, следя за выражением своего лица. В Дании же она очень быстро поняла, что без приветливого выражения лица с душевной улыбкой абсолютно невозможно стать частью счастливого и довольного жизнью датского, а, быть может, и всего цивилизованного европейского сообщества. Но для неё, прожившей всю свою сознательную жизнь в стране революций и перестроек, а потому измученной страхами, сомнениями и стремлениями найти ответ на извечный вопрос «Что делать?», до сих пор мучающий русскую интеллигенцию, было очень трудной задачей всегда быть в готовности одевать эту самую маску счастья в нужный момент.

Разговоры в аудитории моментально смолкли, и почти все, примерно двенадцать человек, с ответными приветствиями и радостными улыбками одновременно посмотрели в сторону входящей в класс Ивы и продолжали смотреть на неё до того самого момента, пока она не заняла место в центре помещения. Затем некоторые из присутствующих вернулись к прерванным беседам, попивая кофе, а некоторые продолжили молча сидеть и глазеть по сторонам, иногда улыбаясь друг другу. Ива, усевшись на стул, вытянула ноги. Только сейчас она почувствовала лёгкую усталость, а сердце: то ли от ходьбы, то ли волнения, настолько сильно застучало в груди, что казалось, его биение могли слышать все в аудитории. Пытаясь взять себя в руки и восстановить дыхание, она сделала несколько глубоких вдохов. «Кажется, получилось. Давно же я так не волновалась», – через пару минут пронеслось в её голове.

Стрелки на большом циферблате настенных часов, висящих на белоснежно чистой стене напротив ивиных глаз, отметили «07:55». А на белой школьной доске было аккуратно выведено оранжевым маркером «03. august 2007». Обведя взглядом помещение и стараясь никоим образом не выразить на своём лице восторг от всего увиденного, Ива подумала с горьким сожалением: «Как же трудно делать вид, что я здесь, как у себя дома. Как неприятно притворяться и бояться, что кто-нибудь может невзначай заметить мою реакцию на всё окружающее и, раскинув мозгами, сделать вывод, что я приехала из такой глубокой дыры, где никто и никогда в жизни не видел ничего подобного и даже не подозревал о существовании чего-либо, даже близко напоминающего всё это».

Постепенно ивино внимание переключилось на людей, присутствующих в классе. Достаточно странно, но все они казались ей очень приятными, какими-то сильно отличающимися от тех, которых она привыкла видеть в России. Неожиданно для себя Ива поняла, что всё это очарование коренится в выражении лиц этих людей. Все они были такими приветливыми и добрыми, светящимися счастьем, радостью и успехом, которыми, казалось, они готовы были

поделиться со всеми окружающими. «Неужели все эти люди настолько счастливы и довольны жизнью? – мысленно спросила себя Ива. – Неужели проблемы и неудачи всегда обходят их стороной?»

Но вдруг, в двух метрах с правой стороны от себя, она увидела лицо, сильно отличающееся от всех окружающих лиц. Лицо, на коем застыли накопленные годами все проблемы бытия, следы которых проступали даже через толстый слой макияжа. Сверху весь этот шедевр визажного искусства завершался венчиком жиденьких волос цвета, сильно напоминающего цвет или опавшей осенней листвы или ржавчины. Лицо было серьёзным и сосредоточенным, а глубоко посаженные бесцветные глаза пытались что-то разглядеть в разложенных на столе бумагах, старательно переключаемых из стороны в сторону короткими и толстыми пальцами. Невозможно было не обратить внимание на признаки благосостояния в виде золотых массивных колец советского образца семидесятых годов на трёх пальцах левой руки и двух пальцах правой. По меньшей мере два из этих колец невероятно утяжелялись крупными рубинами.

Ива, забыв о такте, с таким большим интересом рассматривала одноклассницу, что неожиданно лицо сурово глянуло на неё, смущённо улыбнувшуюся и проговорившую по-русски: «Доброе утро!» В бесцветных глазах забрезжил огонёк удивления и интереса: «Доброе утро... А как вы догадались, эт-самое, что я говорю по-русски?» Широкая улыбка обнажила ещё один признак благосостояния с левой стороны верхнего ряда зубов. Ива не торопилась отвечать, с трудом подбирая тактичные слова, которые бы не смогли травмировать спрашивающего человека.

Совершенно неожиданно помощь пришла со стороны приятной, полноватой и коротко стриженной блондинки, ещё несколько секунд назад активно ворковавшей на достаточно хорошем английском с крупным и привлекательным брюнетом бодибилдингового телосложения: «Ну а как же не догадаться-то? Посмотрите, девчонки, кто здесь самые красивые и яркие женщины? Конечно же, мы! Согласны?!» Переход на русский был совершён настолько неожиданно и молниеносно быстро, что вызвал колоссальное удивление как с русскоязычной стороны, так и со стороны англоязычного собеседника блондинки. «Это уж точно, эт-самое!» – вдохновлённо подхватила только что высказанную мысль обладательница особого лица и собралась развивать её дальше, по-философски подняв глаза к потолку. Но в этот самый момент рождение умной мысли было прервано появлением преподавательницы, спокойно вошедшей в помещение в шесть минут девятого со словами: «Гу моон!» Что означает по-датски «доброе утро». И это было известно, без сомнения, практически всем девятнадцати присутствующим в классе. Ива успела всех мысленно пересчитать, развеселившись от только что состоявшегося короткого разговора.

«А вот уже и двадцать», – подумала она, посмотрев в сторону распахнувшейся двери аудитории. Внутри класса впорхнуло маленькое, тоненькое, какое-то почти нереальное полупрозрачное существо с длинными тёмными волосами и огромными зелёными глазами на половину лица. По-английски извинившись за опоздание звенящим от волнения голосом, существо пролетело по классу, почти не касаясь пола, и приземлилось на соседнем стуле с левой стороны от Ивы.

Преподавательница по имени Дорит предложила всем представиться и рассказать немного о себе, используя на первых порах английский. «Как хорошо, что я села в центре, и что не мне начинать банкет!» – обрадовалась Ива, слушая, как бойко и уверенно ведёт рассказ первая в очереди, американка из штата Аризона по имени Элиссон. Рассказчик под номером три, тот самый крупный брюнет, сосед эротичной русскоязычной блондинки, поведал классу, что зовут его Уинстон, и что родом он из славного города Лондона. Молодой человек также решил добавить, что в его жилах течёт на пятьдесят процентов греческая кровь, что ему двадцать восемь лет, и что в Данию он приехал для изучения датского дизайна.

А вот и очередь самой блондинки. Ага! Она из Великого Новгорода, что на северо-западе России. Зовут её Ольга. Ей сорок два года. Имеет два образования. Одно — переводчица, специализирующаяся на английском языке. Второе образование – экономическое. Очень популярное в России за последние десять-пятнадцать лет, дающее надежду практически всем его обладателям на получение высокооплачиваемой и престижной работы. Затем ещё два человека достаточно подробно проинформировали аудиторию об основных вехах своей жизни.

Но когда молоденькая парижанка Жаклин заканчивала изложение фактов своей биографии, хозяйка особого лица уже начала готовиться к выступлению, громко прочищая, по-видимому, подсевшие голосовые связки. Когда пришло её время начинать рассказ, она как-то странно привстала, потом опять села, немного поёрзала на стуле, и, наконец, выпалила по-русски: «Я не знаю английского языка!» Краснота её лица проступала даже через толстый слой макияжа. В классе наступила немая пауза, которую должна была бы прервать Дорит, исходя из своих обязанностей преподавателя, но она почему-то молчала и обводила внимательным взглядом всех присутствующих, отхлёбывая при этом кофе из картонного стаканчика, который принесла с собой к началу занятия. Все стали переглядываться между собой. Пауза затянулась.

Тут Ива не выдержала и решила помочь, произнеся по-английски: «Она не знает английского языка, но я могу помочь с пере...» Но преподавательница, как будто не услышав её слова, обратилась по-русски, с ужасным акцентом, к виновнице сложившейся затруднительной ситуации: «Ето не ест пхоблема. Ти скажат, я пехеводит».

Ива почувствовала себя как-то по-дурачки: «Ну, какого чёрта я влезла со своей помощью?! Как абсолютная идиотка! Мне больше всех надо, что ли?! Жизнь меня учит и учит, а я опять и опять встаю на одни и те же грабли!» Она была неизмеримо ошарашена тем, как Дорит бесцеремонно оборвала её, даже не поблагодарив за желание помочь. Глаза зажгло от подступивших к ним слёз. «Прекрати сейчас же! Ты же не истеричка, в самом деле! Не ставь себя в дурацкое положение. А, может быть, ты никогда раньше не встречалась с хамством? Встречалась, моя дорогая, и встречалась не раз. Но тогда ты не ревела. Что же изменилось сейчас? Ну, да, конечно, это было в России. А если в России, то хамство является нормальным явлением, что ли? Пойми, глупая, в Дании живут реальные люди, а не персонажи сказок Андерсена!» – воспитывала себя в душе Ива, на какое-то мгновение отвлекшись от происходящего в классе.

Но когда она мысленно вернулась обратно, то поняла, что рассказ главной героини настоящего момента до сих пор не был начат, и сейчас лишь только закончился процесс прочищения голосовых связок, плавно перешедший в процесс воспроизведения довольно-таки странных звуков, напоминающих слова-паразиты. Всё это, в конечном итоге, увенчалось предложением, высказанным таким тоном и с таким выражением лица, как будто эта комбинация слов была до отказа заполнена глубоким философским смыслом: «Меня, эээ, зовут, эт-самое, Диана. Гм». Дорит перевела данное высказывание для присутствующих, но, естественно, исключая из текста абсолютно лишённые смысла для большей части аудитории сочетания звуков. Далее заполнила некоторый интервал времени затянувшаяся пауза, которая, по всей видимости, была необходима рассказчице для формулирования последующего, и, быть может, более содержательного предложения. Все замерли в ожидании, и Диана не подвела: «Я, эээ, приехала, ммм, в Данию из города, эээ, Вентспилс. Гм. Это портовый город в, эт-самое, Латвии. Я работала много, ммм, лет в обувном магазине. Я работала там, значит, директором. Гм. Ааа, ещё, я забыла, что мне сорок четыре». Весь этот набор слов обладательница романтического имени и особого лица произнесла очень уж гордо и даже вызывающе, особо акцентируя внимание на словах «директор» и «Латвия».

Пока Дорит переводила, Диана опять заёрзала на стуле, а её руки стали перемещаться по столу то вправо, то влево, сильно напоминая движения дворников по лобовому стеклу автомобиля. Затем после такого рода приготовлений она почти взвизгнула сорвавшимся голосом: «Всё, эт-самое, я кончила!» В классе наступила пауза. Перевода не потребовалось. Все

и так очень хорошо поняли смысл сказанного. Ива ели удерживалась, чтобы не расхохотаться, а когда она обвела взглядом окружающих, то увидела их аналогичную реакцию. Только Дорит смотрела на Диану очень внимательно и даже с каким-то глубоким уважением, проговорив по-русски: «Большое спасибо, Дайана, за очень интеллигентный хаскас».

В очереди перед Ивой оставалось ещё два человека, но она уже начала мысленно выстраивать своё будущее выступление. Ей очень хотелось предоставить аудитории только самый необходимый минимум информации о себе. Без лишних слов и по-деловому, как она привыкла. К тому же, после невежливого выпада преподавательницы, она чувствовала себя неудобно и немного нервничала. Опять и опять она проговаривала в мыслях текст и никак не могла победить волнение. На заднем плане сознания она, тем не менее, успевала улавливать часть информации, доводившейся сейчас до сведения аудитории. Так, один молодой человек по имени Патрик, пребывающий рядом с Дианой, приехал из Бостона. А другой, сидящий с правой стороны от Ивы, – из Цюриха. Зовут его Урс, и работает он в биологическом институте при университете Орхуса.

«Следующий», – очень сухо, слегка поморщившись, оповестила класс Дорит, допивая очень, по-видимому, холодный кофе. Ива начала свой рассказ нерешительно, тихим голосом называя своё имя и возраст. Но затем, взяв себя в руки, продолжила в своей обычной манере, по-деловому отчеканивая грамотно построенные предложения, не утяжелённые лишними словами и оборотами. Она рассказала, что является кандидатом технических наук, что ею написано две монографии по вопросам использования математических моделей в управлении производством, и что она несколько лет проработала шефом Новогорского филиала Московского экономического университета. На этом Ива решила остановиться, посчитав неразумным дольше удерживать внимание класса на своей персоне.

– Дорит! – раздался громкий мужской голос и далее, впервые за всё время процедуры знакомства, последовало. – Вопросы допускаются?

– Да, да, конечно, – слегка рассеянно ответила преподаватель.

– Это всё про работу. А как насчёт личной жизни или хобби, например?

– Конечно, моя жизнь – не только работа, – начала Ива. – У меня есть хобби. Мне нравится сочинять музыку и стихи. А также...

– Хорошо! на этом мы, пожалуй, остановимся и сделаем плановую тридцатиминутную паузу. Ива, ты не против? – неожиданно вмешалась Дорит.

– Нет. К тому же, я уже ответила.

Обида горьким комом стояла в горле и не давала дышать. «Не плакать! Только не плакать!» – до боли сжимая пальцы в кулаки, мысленно твердила себе Ива, изо всех сил стараясь сдерживать слёзы. Опустив глаза и стараясь ни с кем не встретиться взглядом, она быстро вышла из класса, а оказавшись в длинном коридоре школы, побежала по нему с одной-единственной целью – скрыться от людей. В голове стучало: «Почему, почему она так агрессивно настроена против меня? Что я сделала неправильно? Почему она относится ко мне хуже, чем к другим? Может быть, потому, что я русская? Это, конечно, не исключается. Ну а с другой стороны, как же насчёт Дианы или Ольги? Они ведь тоже не американки. А ведь эта латышка, похоже, вообще – стопроцентная русская, да к тому же, успевшая за столь короткий отрезок времени продемонстрировать такой беспредельный идиотизм, который даже трудно себе представить. Но это, тем не менее, не мешает Дорит относиться к ней с уважением. Значит, собака зарыта не здесь. А где же, чёрт возьми?»

В конце коридора Ива увидела небольшой круглый столик с газетами и журналами, вокруг которого стояли четыре стула. Она с глубоким выдохом практически обрушилась на один из стульев: «И что же мне теперь делать? В классе оставаться противно. Уйти домой. И что дальше? Ведь завтра или послезавтра я опять должна буду вернуться в школу. Это – требование, и никуда от этого не денешься. Если, конечно, я хочу получить постоянный вид

на жительство с последующим, быть может, получением датского гражданства...» На этом рассуждения Ивы приостановились, так как она увидела Урса, медленно прохаживающегося по коридору, увлечённо разговаривая по мобильному телефону. На несколько секунд она задержала на нём свой взгляд, слушая немецкую речь. Ей было приятно смотреть на него, такого полного энергии, но в то же время спокойного, уравновешенного, какого-то надёжного и внушающего доверие. Вдруг он посмотрел в сторону Ивы и помахал ей рукой, продолжая свой телефонный разговор. Ответный жест последовал не скоро, так как, опешив от неожиданности, она замешкалась с принятием решения о том, что лучше: помахать в ответ рукой или махнуть головой. В результате, когда она решилась и подняла руку к ответному жесту, Урс уже не смотрел в её сторону. «Да что же это такое? Сегодня не мой день, что ли? Как будто всё и все против меня! Да я и сама хороша! Веду себя, ну, точно, как несуразная провинциалка!» – причитала про себя Ива.

Она взяла со стола какой-то датский журнал и начала его нервно листать, даже не пытаясь вглядываться в фотографии и, тем более, в текст. Вдруг рядом с ней прозвучал знакомый голос, произнёсший по-английски:

– Хай! Я тебе не помешал?

– Конечно, нет, – Ива с трудом выдавила из себя улыбку, тщательно пытаясь скрыть своё отвратительное настроение.

– Что интересного пишут? – спросил Урс, усаживаясь на соседний стул и заглядывая в журнал, раскрытый одноклассницей как раз на той странице, где рассказывалось о датской кронпринцессе Мэри, и где была размещена галерея её фотографий. – Тебе раньше говорили, что ты очень на неё похожа?

– Да, ты не первый, – ответила Ива, смутившись.

– У тебя такое красивое имя. Как оно пишется? Начинается с английской буквы «Е»?

– Нет, с «I». По-русски «ива» – это название дерева.

– Деревя? Что это за дерево такое?

– Если я правильно помню, по-английски это дерево называется «уиллоу».

– А, я понял! Его латинское название – саликс, – весело произнёс Урс. Но вдруг его лицо приняло очень серьёзное выражение, и он, придвинувшись к Иве, тихо спросил. – За время, что ты прожила здесь, ты уже успела услышать о таком негласном законе Янте, по которому живёт почти всё датское общество?

– Закон Янте? Нет, Урс, впервые слышу. А что это за закон такой?

– Это свод из десяти правил, характеризующих типичные для датчан взаимоотношения друг с другом. Ну, например, «Ты не должен думать, что ты умнее, чем мы», «Ты не должен думать, что ты знаешь больше, чем мы», «Ты не должен думать, что ты можешь учить нас чему-либо». Или вот ещё очень интересное правило. «Ты не должен думать, что ты годишься на что-то». И так далее в этом роде.

– А откуда такой, по меньшей мере, странный, закон появился?

– Я слышал, что один норвежец в детстве жил в каком-то городе в северной части Дании. Затем, когда он вырос, то решил обо всех своих наблюдениях и переживаниях детства написать роман, в котором и изложил содержание этого закона. Ну, что самое интересное, хоть и можно иногда услышать среди датчан дискуссии относительно этого закона, в целом, они ничего не имеют против его содержания. То есть, что называется, этот норвежец попал в яблочко.

– Странно, – задумчиво произнесла Ива. – Если я правильно поняла, то датчане не любят тех, кто лучше их. Все должны быть примерно на одном уровне.

– Абсолютно верно. И теперь становится понятным, что недавно произошло в классе, и почему Дорит так вела себя по отношению к тебе.

– Что ты имеешь в виду? Я ничего странного не заметила.

– Знаешь, я очень хорошо тебя понимаю. А сейчас пойдём на занятие. Мы и так уже опаздываем на пять минут. И спасибо, Ива, за приятную компанию.

– Тебе тоже большое спасибо.

– А мне-то за что?

– За полезную информацию.

Когда они вернулись в класс, то обнаружили, что преподавательница ещё не вернулась с паузы, и все сидели, занимаясь кто чем. Усевшись на своё место, Ива обратила внимание, что её соседка слева, то самое нереальное полупрозрачное существо с длинными тёмными волосами и огромными зелёными глазами, сейчас сидит, приложив мобильный телефон к левому уху, и напряжённо вслушивается, периодически отвечая по-английски, как заведённая: «Да-да, милый. Я всё поняла. Не волнуйся. Не волнуйся. Я прошу тебя». Одновременно средним пальцем правой руки она опять и опять сгребает несколько хлебных крошек от недоеденного бутерброда с сыром в маленькую кучку.

– Пока не пришла Дорит, хочу сходить и купить кофе. Тебе не принести? – спросил Урс.

– Спасибо, но если можно, то зелёный чай, – быстро ответила Ива, предвкушая, как она через несколько минут может глотнуть освежающий и бодрящий напиток, что сейчас было бы так кстати.

Убегая, Урс столкнулся в дверях с входящей в аудиторию Дорит:

– Я выбегу на минутку!

– Как угодно. Но только мы уже начинаем и никого больше ждать не будем, – преподавательница улыбнулась и, обведя взглядом всех присутствующих, спросила. – На ком мы остановились до паузы?

Ива напряглась, опустив глаза в раскрытую перед собой пустую тетрадь. К её полному удивлению, Дорит сама решила ответить на свой вопрос:

– Та-ак. На Иве. Хорошо. Теперь мы переходим к следующему рассказчику, – голос преподавательницы звучал очень мягко и дружелюбно, что позволило Иве вздохнуть с облегчением.

Тут же внимание всех присутствующих переключилось на ивину соседку слева. Девушка тяжело вздохнула и начала вести повествование тихим дрожащим голосом, иногда вскидывая к потолку свои огромные, полные страха и какой-то глубокой боли глаза:

– Меня зовут Лада. Мне двадцать шесть лет. Я приехала в Данию с Украины. А именно: с Днепропетровской области, из города Кривой Рог. На Украину родители решили переехать, когда мне было четыре года. До переезда мы жили в российском городе Омске. Я училась в криворожском государственном педагогическом университете, – затем она остановилась, немного подумала и неожиданно решила закончить свой рассказ. – У меня всё.

– Очень хорошо, – с вдохновением вступила Дорит. – А, может быть, у кого-нибудь есть к Ладе вопросы?

Вопросов не последовало. Несколько секунд Ива сидела в ожидании продолжения истории: «Эта Лада явно хотела что-то ещё сказать, однако в последний момент передумала. Почему?» Она задумалась. Но уже через минуту её мысли незаметно переключились на Урса, на странный закон Янте и затем, полностью оторвавшись от реальности, унеслись так далеко, что Ива абсолютно не услышала рассказы двух следующих за Ладой одноклассников. Только появление Урса, принёсшего кофе и, к огромному ивиному удовольствию, зелёный чай, вернуло её внимание назад в аудиторию.

– О, Урс, большое тебе спасибо за чай, а то я уже начала засыпать, – прошептала Ива, улыбнувшись. – Сколько я тебе должна?

– Пять крон, – мгновенно отозвался тот и, сделав небольшую паузу, смущённо продолжил. – Это не так важно. Ты можешь и не отдавать.

– Ещё раз большое тебе спасибо, но я привыкла отдавать долги, независимо от их размера, – шёпотом произнесла Ива, а затем достала из сумки кошелек, и осторожно, чтобы не создавать шума, вытянула из него большую серебристую монету достоинством в пять крон.

В момент передачи денег она случайно встретилась глазами с пристально наблюдающей за ней Ольгой, на лице которой играла хитрая улыбка. Неожиданно та начала стрелять глазами то на Иву, то на Урса, будто на что-то намекая. И наконец, театрально откинув со лба короткую чёлку и многозначительно закатив глаза, она повернула голову в сторону своего молодого соседа. В следующий момент уже наклонилась в его сторону. А ещё через какую-то долю секунды Ольга практически лежала на его могучем бодибилдинговом плече, что ещё больше приоткрывало её пышущий здоровьем бюст, эротически уложенный в глубоком вырезе полупрозрачной блузки. «Ну и активистка!» – поразила Ива.

Далее, примерно на десять минут, задержали внимание аудитории ещё три рассказчика: один – вьетнамский фармацевт, другой – индонезийский повар, работающий в одном из суши-баров Орхуса, третий – писатель из Токио. Все они имели одно сходство: они были женаты на датчанках.

Очередь подошла к тому самому ивиному однокласснику, который задавал ей вопрос о хобби и личной жизни. Темнокожий огромный молодой человек с несметным количеством косичек на голове начал доводить до сведения аудитории почти такое же бесчисленное множество фактических данных о себе и своей стране. «Какой же он разговорчивый, по-детски непосредственный и весёлый», – отметила про себя Ива. Он очень живо и артистично рассказал, что зовут его Хансен, что ему тридцать один год, и у него есть восьмилетний сын от первого брака. Приехал он из города Монтего-Бэй, являющегося центром индустрии туризма Ямайки. А когда он перешёл к роду своей деятельности на родине, то даже умудрился показать. Оказалось, что Хансен зарабатывал себе на хлеб дайвингом. На Ямайке он полюбил светловолосую туристку, которая случайно оказалась датчанкой. Поэтому сейчас этот счастливчик живёт в Дании. Дальше – больше. Хансен перешёл к своему хобби – ямайской музыке. Он кратко охарактеризовал почти все музыкальные стили, сделавшие Ямайку известной в мире музыки: соул, калипсо, ска и, конечно, регги. Также он поведал, что Боб Марли является его кумиром. Постепенно в ходе его рассказа вся аудитория оживилась и повеселела. А когда Хансен решил закончить своё повествование информационной, на его взгляд, бомбой, сказав, что солистки группы «Бони М» Лиз Митчел и Марсия Баррет – тоже с Ямайки, все присутствующие выказали некоторое разочарование ввиду сильного желания продолжения шоу.

В этот момент Ива взглянула на свою соседку слева, неотрывно смотрящую на Хансена с таким нескрываемым восторгом, что даже её большие зелёные глаза, ещё несколько минут назад наполненные грустью и душевной болью, сейчас излучали радость и беззаботность. Иве очень понравилась такая перемена в девушке, и она решила поддержать и укрепить её в таком состоянии счастья, наклонившись к ней и произнеся на ухо по-русски:

– Классный парень! С ним не соскучишься!

– Ой, да! Он – просто супер! – ладин голосок зазвенел мажорными нотками, а её большие глаза посмотрели на соседку с безграничной благодарностью, по-видимому, за правильное понимание ситуации и психологическую поддержку.

Иве очень нравилась эта украинская девушка, в которой чувствовались содержательность и глубина. И, похоже, что эта симпатия была взаимная. Лада практически каждые пять минут обращалась к ней с различными, но чаще всего ироничными, комментариями относительно следующих трёх рассказчиков. Она демонстрировала наличие развитого, не смотря на молодость, интеллекта, необходимого для того, чтобы иметь собственное мнение и хорошее чувство юмора. Ива старалась отвечать на все ладины высказывания, так как они были очень увлекательными и яркими, в отличие от рассказчиков, которые, по её мнению, были личностями абсолютно бесцветными, а их доклады представляли собой изложение скучных данных их ничем

не выдающихся биографий. «... Бесцветный и скучный, как отчёт министра в палате общин», – вспомнились Иве слова Оскара Уайльда из «Портрета Дориана Грея», как нельзя лучше характеризующие всех трёх докладчиков.

Вдруг Лада засуетилась, поворачиваясь сначала в левую сторону, а затем в правую, где и обнаружила висящий на спинке стула рюкзак. Девушка достала из его кармана большую двухсотграммовую плитку экстра тёмного датского шоколада, произведённого на фабрике Антона Берга, разломала его на части и предложила Иве:

– Пожалуйста, угощайся. Тёмный шоколад очень полезен для здоровья. Я где-то слышала такую информацию, что он оказывает положительное влияние на состояние сосудов и способствует понижению кровяного давления, а потому, является хорошим средством профилактики инсульта и инфаркта миокарда. А если съесть шесть граммов шоколада в день, то риск заболевания гипертонией снижается почти на сорок процентов.

– Большое спасибо, – откликнулась Ива, взяв увесистый кусок шоколада, и продолжила с улыбкой. – Это если съесть только шесть граммов, а у тебя тут двести.

– А известно вам, что в Японии учащиеся перед экзаменами едят шоколадки Кит Кат? – вмешался в медицинские рассуждения девушек Урс, для которого не остался незамеченным процесс поедания шоколада.

– Почему именно Кит Кат, а не какой-нибудь другой? – с любопытством спросила Ива.

– Потому что название этого шоколада созвучно со словами «китто кацу», что по-японски означает «непременно победить», – лицо Урса засветилось радостью. Он был так удовлетворён тем эффектом, который его слова произвели на девушек.

– Пожалуйста, угощайся шоколадом, – Лада протянула ему разломанную на куски плитку, ещё больше развеселившись и прошептав на ивино ухо. – Он это заслужил. Может быть, в следующий раз расскажет ещё что-нибудь интересное.

Но в тот самый момент, когда Урс положил себе в рот кусок шоколада, прозвучали слова Дорит:

– А что тут у нас за дискуссионный клуб?

– Дорит, мы тут немного отвлеклись на обсуждение темы о пользе шоколада, – принял на себя удар Урс, стараясь как можно быстрее прожевать и проглотить сладость.

– Пожалуйста, все, кто хочет, угощайтесь, – подхватила его слова Лада и отправила всё, что осталось от плитки, по столам.

– Спасибо за угощение, но всё-таки я попросила бы вас на наших занятиях стараться обсуждать темы, которые непосредственно связаны с изучением датского языка. Хорошо? – произнесла Дорит, улыбнувшись натянутой улыбкой. Затем она, усевшись на стоявший у доски преподавательский стол, тяжело вздохнула и продолжила. – А сейчас я расскажу, как мы будем работать на первом модуле.

Примерно за двадцать минут до окончания занятий она, неожиданно для всех, сказала:

– Мы хорошо сегодня поработали. Спасибо. Завтра продолжим. А сейчас я приглашаю всех вас в ближайшее кафе на чашечку кофе, где мы сможем продолжить наше знакомство. Но это, конечно, добровольное мероприятие.

* * *

Почти весь класс изъявил желание продолжить знакомство. И уже через десять минут все сидели вокруг длинного стола в кафе с интересным названием «Секретное место», уютно расположившемся на последнем этаже шестиэтажного старого, очень элегантного и почти самого высокого в центре города здания в пяти минутах ходьбы от школы. Посмотрев по сторонам, Ива обратила внимание на то, как умело и с особым вкусом было спланировано и оборудовано помещение. Прежде всего, она отметила, как интересно расставлены двух-, четырёх-, шести-

местные столы и стол на шестнадцать персон, у которого и разместился почти весь ивин класс. От такой организации внутреннего пространства кафе, где бы ты ни сидел, будешь ощущать себя тепло и уютно, но в то же время, уединённо. «Такое интригующее название вполне отвечает внутреннему содержанию», – подумала Ива.

Здесь, в кафе, нашли место настолько оригинальные дизайнерские решения, что она упивалась их созерцанием. В частности, в интерьере поразительно естественно и гармонично сочетались, казалось бы, совершенно несочетаемые вещи: современный датский дизайн с его хромированными покрытиями и датская мебельная классика.

Датский дизайн – это одно из ивиных хобби, появившееся у неё с тысяча девятьсот девяности девятого года, когда они с мужем Константином купили сумасшедше дорогую датскую аудиосистему класса хай-энд Банг энд Олуфсен.

– Да ты понимаешь, что это за техника?! Это – волшебство! Представь, что эти колонки каждый раз производят замеры акустических свойств помещения, в котором они установлены. А зачем? Да затем, чтобы калибровать себя в соответствии с измеренными параметрами. Теперь ты понимаешь, что это за машина такая?! – имея квалификацию инженера-электронщика по своему первому диплому о высшем образовании, Константин со знанием дела расписывал тогда Иве все технические особенности только что купленной аудиосистемы.

– Конечно, понимаю, – отвечала она, в душе восхищаясь не столько технологическими инновациями их покупки, сколько уникальностью её внешнего вида. С тех самых пор тема датского дизайна сильно увлекла Иву. И, вполне логично, что её самый первый разговор с датчанином Ларсом пошёл, конечно же, о датском дизайне, когда они случайно встретились в Москве в марте этого года на дне рождения ивиной школьной подруги Натальи. Он рассказывал ей тогда ряд очень увлекательных историй из жизни кое-каких знаменитых дизайнеров, а также приводил некоторые интересные факты, касающиеся нескольких известных на весь мир образцов датского дизайна. Например, историю о стуле Ханса Дж. Вегнера, когда после первого телевизионного поединка между Джоном Ф. Кеннеди и Ричардом Никсоном перед президентскими выборами тысяча девятьсот шестьдесят первого года фотография этого стула облетела почти весь мир, что сделало его известным практически повсюду. Ива, в ответ, высказывала своё мнение о стелтоновском термосе Эрика Магнуссена, лампе Пола Хеннингсена, стульях Вернера Пантона и «Муравьё» Арне Якобсена. Ларс, с огромным интересом выслушав её мнение, с восторгом тогда протянул: «Да-а... Здесь, в России, не так часто я встречал людей, которые были бы так хорошо знакомы с датским дизайном».

Беседы с Ларсом были для Ивы приятным сказочным путешествием в страну детской мечты. Она так невыносимо устала от всех бесконечных страхов и волнений, какими была переполнена её жизнь в последнее время, что с огромным удовольствием окунулась в эту сказочную действительность. А Ларс всё рассказывал и рассказывал. И все его рассказы были такими интересными, что она могла слушать их часами. Он поведал ей также и о том, что такое дизайнерская, винтажная или этническая мебель, и что в реальности представляет собой процесс производства дизайнерской мебели. Ведь он знал это лучше, чем кто-либо другой, потому что, как оказалось, владел мебельной фабрикой, расположенной в Дании, в городе Орхус. А в Москву привели его вопросы бизнеса.

Иве было так легко и приятно общаться с этим высоким, светловолосым и голубоглазым мужчиной. «Именно так и должен выглядеть настоящий викинг! Какой же он привлекательный!» – с восхищением оценивала она своего собеседника, покорившего её какой-то нереальной тактичностью, вежливостью, внимательностью, уважительностью, скромностью и, конечно, душевностью. Кроме того, в нём чувствовалась сила, надёжность и стабильность. Ива не могла поверить, что такие мужчины вообще могут существовать где-то на земле.

– Похоже, что в нём сохранился генотип отважного воина! Такие люди, конечно же, могут жить только в Дании! – говорила она сама себе. – Я даже готова поверить, что с ним рядом в его сказочной стране я смогла бы быть счастливой!

– Ещё бы! Конечно, смогла бы! Ну кто же тебе предложит, глупая! Принцы из европейских стран, тем более из Дании, не ищут жён на российских просторах! – вторил ей полный скептицизма внутренний голос.

– А в конце концов, почему бы мне не прислушаться к совету Антуана де Сент-Экзюпери и не постараться сделать из моей серой жизни сказку, а из сказки – жизнь?! – с вызовом ответила сама себе Ива.

Когда, наконец, её мечта исполнилась, и, примерно через два месяца, она очутилась в стране своей детской мечты, то первым делом попросила мужа отвезти её в Копенгаген, где она смогла бы увидеть сказочную русалочку и, конечно же, сходить в Датский музей искусства и дизайна. Антикварные лавки Орхуса, заполненные датской классической мебелью и серебряными изделиями Георга Енсена, стали излюбленными местами её посещения. А на фабрике Ларса, особенно в дизайнерском отделе, она могла находиться часами и, практически, каждый день. Ива даже сама сделала несколько эскизов к стульям, которые были доработаны Ларсом и достаточно быстро запущены в производство.

В первый школьный день, именно здесь, в кафе «Секретное место», неожиданным образом продолжала реализовываться ивина мечта, и она собственными глазами смогла увидеть уникальную комбинацию, которую раньше даже не могла бы себе и представить. А именно: как душевная компания, состоящая из длинного стола – представителя датской мебельной классики и комфортных стульев образца Вернера Пантона, становилась душевнее под тёплыми потоками света, разливающегося от ламп дизайна Поля Хеннингсена.

Ива настолько углубилась в свои мысли, что только громкий голос Дорит смог вернуть её в реальность: «Прошу обратить ваше внимание на то, что все желающие покурить могут подняться на крышу дома, где оборудована специальная смотровая площадка. Я рекомендую всем, и даже некурящим, пройти туда и полюбоваться центральной частью города с более чем двадцати пятиметровой высоты». Первое, что решила предпринять Ива – это последовать совету Дорит. Её переполняло настолько безмерное желание побыть одной и перевести дыхание, что она молниеносно быстро оторвала себя от обволакивающего своим комфортом стула Пантона и прошла в указанную Дорит сторону зала.

Осторожно поднявшись по ступенькам на смотровую площадку, Ива огляделась вокруг, и, осознав, что она здесь абсолютно одна, подошла к перилам и посмотрела вниз. «Какое же чудо – видеть всё это собственными глазами, а не по телевизору!» – пронеслась в её голове настраивающая на позитивный лад мысль, такая же приятная, как опьяняющее дыхание тёплого ветерка, принёсшего с собой какие-то особые парфюмерные композиции, излучающие флюиды счастья, радости и восторга. «Мистер Кроули...» – откуда-то ветер принёс с собой вместе с флюидами счастья слова известной песни Оззи Осборна, которую Ива слышала последний раз очень и очень давно, и которая напомнила ей о достаточно счастливом периоде её жизни в России.

– Ой, как классно, девчонки! – неожиданно за её спиной раздался восторженный крик.

– Оля, как ты меня напугала! – несколько раздражённо выдавила из себя Ива, посмотрев в сторону нарушительницы её покоя.

– Как во сне, а точнее – в эротическом сне! – чувства Ольги неумоимо хлестали через край. Её глаза были наполнены слезами.

– Это точно, как во сне, эт-самое, – как-то без особых эмоций проговорила Диана. Затем в её голосе появились заинтересованные нотки. – А почему в эротическом?

– Да потому что так хорошо, что можно кончить, – небрежно смахнув слёзы рукой, закричала Ольга.

– Ну ты молодец! – смущённо произнесла Лада. – А ты всегда такая?

– Какая такая? – с мягким вызовом и одновременно с улыбкой спросила Ольга, прекрасно понимая суть поставленного вопроса.

– В любой ситуации находишь сексуальную выгоду! – молниеносно быстро прозвучал ответ Лады, после которого она испуганно посмотрела на Иву, предполагая, что зашла сильно далеко и, возможно, её слова прозвучали достаточно бестактно. Но в ответ девушка получила дружественное подмигивание.

– Доживёшь до моих лет, так тоже будешь искать даже самый малейший шанс получить удовольствие, – засмеялась Ольга.

– А я думаю, гораздо логичнее предположить, что в твоём возрасте, наоборот, нужно, по возможности, отказываться от каждого такого шанса. Полезнее будет для здоровья, – с улыбкой съязвила Лада, вызвав наигранное негодование со стороны Ольги и Дианы.

– Ну хватит, девушки! По моему мнению, мы должны вернуться к коллективу, а то нехорошо как-то получается: все русскоязычные удалились на крышу, и что самое главное – надолго, – с улыбкой сказала Ива и далее продолжила. – Дорит может заподозрить, что мы тут вынашиваем какие-нибудь революционные идеи по поводу перестройки образовательной системы в школе датского языка.

Девушки расхохотались и в таком весёлом расположении духа, продолжая болтать, спустились со смотровой площадки в кафе и подошли к столу, за которым практически неподвижно и беззвучно сидели все остальные одноклассники под предводительством Дорит. Только иногда покой нарушался какими-то изречениями Хансена, Урса и Дорит. Почти все пили кофе. Когда девушки вернулись к столу, одноклассники оживились, а Урс спросил:

– Вам понравилось наверху?

– Да-да, конечно, вид – великолепный! – практически в один голос, как сговорившись, ответили Ива и Лада, усаживаясь напротив друг друга.

– А по мне, так наверху – всегда лучше, – со странной ухмылкой прошептала на ивино ухо Ольга, обвалившись на стул с правой стороны от Ивы.

– Послушай, дорогая, ты и впрямь озабочена. Я даже стала немного тебя побаиваться, – в ответ заливисто засмеялась Ива.

– А можно нам тоже услышать, о чём вы так заразительно смеётесь? – с задоринкой в голосе спросил Хансен, который, как оказалось, сидел с правой стороны от Лады.

– Правда, мы тоже хотим! – живо подхватил Урс.

– А вам нельзя. Потому что вы всё равно не поймёте. Даже если будете очень стараться, – жеманно прожурчали слова Ольги, плавное перешедшие на шёпот в ивино правое ухо. – Мы тоже хотим. Хотеть не вредно! Так ведь?

Ива только и смогла, что поднять брови, как будто взвешивая в голове возможные варианты ответа.

– Ну что, эт-самое, может быть, мы закажем чего-нибудь выпить? – пришло время включиться Диане, слова которой получили коллективную поддержку со стороны девушек.

Лада заказала кофе лате, Ольга – капучино, Диана – чёрный чай, а Ива – зелёный чай и кусок шоколадного торта Брауни с особым молочным кремом. Когда официантка принесла ивин набор и поставила на стол напротив неё, все посмотрели с нескрываемым удивлением. А Ольга, округлив глаза, выразила свои переполненные ужасом мысли вопросом на многострадальное ивино правое ухо:

– А ты можешь себе представить, во сколько всё это чудо может тебе обойтись? Ты, наверное, не обратила внимания на цены в меню?!

– Ну почему не обратила? Обратила, – начала немного раздражаться Ива, стараясь при этом говорить шёпотом, чтобы никто не услышал содержание этого диалога. А когда она

посмотрела по сторонам и поняла, что никто и не обращает на них внимания, то продолжила, наклонившись в сторону Ольги. – Это стоит девяносто крон.

– Вот это да! Это же так дорого! А когда переведёшь в рубли, то вообще можно аппетит потерять! Ты что, сама не можешь такой торт дома постряпать? Платишь такие огромные деньги непонятно за что? Или, может быть, ты замужем за миллионером? – никак не могла успокоиться Ольга.

– Да при чём здесь муж? Я просто голодная! Да к тому же, очень люблю сладкое, – парировала Ива, немного расстроившись.

– Ива, не бери в голову, – пришла ей на выручку Лада, отвлекшись от рассказа Хансена. – Не обращай на Ольгу внимания. Это твоё право питаться тем, чем тебе хочется. Самое главное, чтобы здоровье и деньги позволяли.

– А что, ты расстроилась, что ли? – удивилась Ольга. – А почему? Я что-то плохое сказала?

– Ну, конечно, эт-самое, – Диана, как ни странно, смогла правильно оценить ситуацию.

– Да ладно, девочки, всё хорошо! – улыбнулась Ива. – Я очень рада с вами познакомиться и быть в одном классе. Так приятно поговорить на родном языке. Все эти два месяца, что живу здесь, очень по дому скучаю. По России. По русской речи. Хотя, конечно, я звоню каждый день моими родителями, и мы разговариваем где-то по часу, а то и по полтора, но этого ведь совсем недостаточно.

– Каждый день звонишь по телефону! Ну, точно, твой муж – миллионер! – не унималась Ольга. Но вдруг, неожиданно её глаза погрузтели, и она, понизив голос, продолжила начатую Ивой тему ностальгии. – Я тоже скучаю, но не по России, а по моей доченьке, что в Великом осталась. Хоть у меня там родители, Наташка предпочла жить отдельно от них. Она у меня самостоятельная. Вы знаете, девчонки, как я за неё волнуюсь? Она ведь мой характер взяла. Такая же доверчивая, отзывчивая, всегда готовая прийти на помощь. Она даже внешне на меня очень похожа. На такую красавицу в любой момент может кабель найтись. Смотри – не зевай. С моим Хенриком я ведь не могу всеми моими переживаниями поделиться. Не любит он этого, а я и не хочу его злить. Это так классно, что сегодня я встретила всех вас. Теперь я знаю, с кем могу поговорить по душам, а если нужно, то и в жилетку поплакаться. А то у меня в Дании что? Да за полгода, что здесь прожила, пока что ничего и никого для души. Как это у Виктора Курочкина в «Уроде»: «... А у меня что? Ничего. Даже друга нет, которому бы я мог поплакаться в жилетку или, не стыдясь, занять у него три рубля». Ой, девчонки, как мне нравится, как он пишет! Особенно эта повесть!

– А у тебя что, эт-самое, Хенрик не муж, что ли? – громко спросила Диана.

– Да тише ты! Мы же здесь не одни! – встрепенулась Ольга, а затем, уже спокойнее, продолжила. – Да муж, конечно, но я ведь про кого-нибудь для души говорю.

– Ну а теперь, моя дорогая, можешь плакаться в жилетку, сколько тебе захочется. А вот с рублями, конечно, сложно. Но ты, не стыдясь, можешь попросить в датских кронах, – шутливо прошептала Ива, стараясь не выказать своё серьёзное отношение к только что услышанному.

– А если говорить обо мне, эт-самое, то у меня та же самая проблема, что и у тебя, – продолжила тему Диана, кивнув головой в сторону сидящей напротив неё Ольге.

– Что, у тебя тоже сложности с поиском отдушины? – вопрос Ольги прозвучал как-то очень жёстко.

– Нет-нет, с Карстэном у меня всё в полном порядке. Он меня понимает, эт-самое, – ответила Диана, совершенно не обратив внимания на тон Ольги. – Он, как и я, очень за мою дочь, Светлашку, переживает. Она ведь тоже живёт самостоятельно в Вентспилсе. На мою мать надежды никакой нет. Светик – девочка умная, начитанная. С самого детства, когда мой муж

нас бросил, только я её и воспитывала. Я ей всё дала, и даже высшее образование, эт-самое. Я уверена, что ошибок глупых она не сделает. Но я ведь знаю, как ей плохо без меня.

– Ну а если Карстэн твой такой понятливый и душевный, то почему девчонку сюда, в Данию, не заберёте? – полушёпотом продолжала ставить свои жёсткие вопросы Ольга. – У вас ведь нет проблем с визами и видами на жительство, как у нас, россиян. Так в чём проблема? Переехала бы она сюда, к вам, и живите все вместе себе на здоровье и радуйтесь жизни.

– Не так всё просто. Нужно много вопросов утрясти, эт-самое. Да и Карстэн говорит мне, что нужно подождать. Что так быстро такие дела не делаются.

– А как долго ты с ним живёшь? – никак не унималась Ольга.

– Да вот уже скоро год, как я здесь, – в задумчивости протянула Диана.

– А я абсолютно не соскучилась! Ни по моей семье! Ни по Украине! – со злом выпалила Лада. Её глаза блеснули холодным блеском, а взгляд вдруг стал каким-то колючим. «Вот это перемена. Что же такое у неё там, на Украине?» – задумалась Ива, продолжая внимательно смотреть на Ладу, глаза которой постепенно заполнились безысходной печалью.

За столом все грохнули коллективным залившимся смехом в ответ на какую-то очередную историю Хансена. «Здорово, что этот малый такой любитель потравить байки! Сейчас это так кстати», – обрадовалась Ива.

– Хансен что-то интересное рассказывает! Давайте, девочки, послушаем! – весело сказала она, довольная тем, что удалось сменить тему приобретшего горький вкус разговора.

Лада отглотнула наверняка уже холодный лате и повернула голову в сторону Хансена, продолжающего без устали веселить аудиторию. Можно было заметить, что она его не слушает, а думает о чём-то своём. Но мало-помалу она включилась в тему и быстро увлеклась ею настолько, что её глаза заблестели беззаботностью и детским озорством. «Ну и замечательно!» – успокоилась Ива, почему-то чувствуя себя в некоторой степени ответственной за настроение девушки.

– Ой, наверное, Карстэн звонит, – нервно засуетилась Диана, стараясь побыстрее вытащить из своей сумки громко верещавший мобильный телефон. Но она оказалась недостаточно проворной, и телефон успел перейти в режим автоответчика. Было видно невооружённым глазом, что Диана очень разнервничалась, прослушивая звуковое сообщение. Положив телефон в сумку, она рассеянно спросила, адресуя вопрос, похоже, только себе:

– А что, уже два часа?

– Да. А если точнее, то пять минут третьего, – быстро отреагировала Ива, посмотрев на часы.

– Ой, эт-самое, я должна торопиться, а то Карстэн уже ждёт, а мне ещё нужно машину завести. Совсем забыла! – Диана допила остатки холодного чая, встала из-за стола и, смущаясь, обратилась к Дорит по-русски. – Извините, эт-самое, я не могу дольше оставаться. Мне нужно уйти.

– Конечно, Дайана, иди. Увидится завтра! – очень дружелюбно отозвалась Дорит.

– Ну что, эт-самое, я побежала, – попрощавшись с Ольгой, Ивой и Ладой, Диана быстрым и тяжёлым шагом направилась к выходу.

– Ну-ка покажи, что это у тебя за часы такие, – опять заступила на вахту неутомимая Ольга. – Неужели настоящий Ролекс?!

– Да, настоящий, – тихо ответила Ива.

– Ну а теперь колись, подруга! Твой муж – миллионер! Не так ли? – продолжала атаковать Ольга.

– Может быть, – уставшим голосом ответила Ива. Затем, демонстративно посмотрев на свои наручные часы, продолжила, улыбаясь. – На моём Ролексе пятнадцать минут третьего, и я должна идти домой, а то мой Бэнни, наверное, уже заждался.

– Ива, ты уже уходишь? – как-то по-детски испуганно спросила Лада, увидев, что та встаёт с места. – Ой, пожалуйста, подожди меня! Мне уже тоже пора.

– Ну а по-вашему что, я должна здесь одна оставаться? – возмутилась Ольга, нехотя поднимая со стула своё пышное тело.

– Уходите? – с грустинкой в голосе поинтересовался Урс, посмотрев на Иву. – Надеюсь, что завтра мы увидимся?

– Ну конечно, обязательно увидимся! – опередив Иву, громко ответила Ольга. Далее она обратилась к Дорит и всем одноклассникам. – До завтра!

– Большое спасибо всем за приятную компанию! Завтра увидимся! – весёлым и бодрым голосом попрощалась Ива.

– До свидания! – подхватила её слова Лада.

– Да-да, до завтра, – с улыбкой ответила Дорит. Но чувствовалось, что она торопится побыстрее вернуться к теме, уже более часа вращающейся вокруг Хансена.

– До завтра! – вторили ей все сидящие за столом.

– А кто это Бэнни? Извини за любопытство. Муж, что ли? – с некоторой долей смущения, но в тоже время настойчиво спросила Ольга, выходя на улицу следом за Ивой и Ладой.

– Послушай, Оля, ну так же нельзя, – Лада попыталась пристыдить Ольгу. – Ты любопытная до неприличия. Как сказал кто-то мудрый: «Любопытство – дочь невежества». Помни об этом.

– А что тут плохого, если мне интересно всё знать о людях, меня окружающих? – ответила Ольга с по-детски наивной улыбкой на лице.

– Эти слова, Лада, принадлежат перу Томаса Фуллера, – вмешалась Ива. – А если продолжать тему, то я готова подписаться под каждым словом Бернарда Шоу: «Больше всего люди интересуются тем, что их совершенно не касается».

– Ну а почему ты, Оля, например, не поинтересуешься подробностями моей жизни? – не уступала Лада. – Кто знает, может быть, увлечёт.

– Может быть, и поинтересуюсь. В своё время, – последовал ответ. Затем, сделав паузу, Ольга продолжила. – Ну а если взглянуть с другой стороны? Я где-то читала или слышала, что любопытство является признаком интеллекта. Вот так!

– По моему мнению, ничего плохого в любопытстве нет, если оно в меру, – Ива попыталась смягчить общее настроение дискуссии. – И, к тому же, я ведь уже начала привыкать к твоему, Оль, повышенному интересу к моей скромной персоне. Надеюсь, что сегодня – мой день, а завтра на очереди, быть может, будешь ты, Лада. А для удовлетворения аппетита кого-то самого любопытного скажу, что Бэнни – это мой любимый молодой человек. Он очень красивый и умный. А какие у него глаза! А как он меня любит и всегда ждёт! Поэтому-то я и должна торопиться домой, чтобы не заставлять его долго ждать.

– Ты что, шутишь? Или серьёзно? Что-то я не пойму, – растерянным голосом протянула Ольга.

– А это тебе тема для размышлений. До завтра будет, чем заняться, – съязвила Ива.

– Мне тоже пора бежать, а то Ульрик задал тридцать три задания на сегодня. Мой велосипед запаркован у школы. Кто-нибудь идёт со мной в одном направлении? – прозвенела своим тоненьким голоском Лада, но получив отрицательный ответ, засемила мелкими и лёгкими шажками, как будто полетела по воздуху, в сторону школы.

– Счастливо! Надеюсь, что завтра увидимся, – попрощалась Ива.

– До завтра, – ответила Ольга, а затем, тяжело вздохнув, задумчиво произнесла грустным голосом. – Ты уж, пожалуйста, не обижайся на меня. Знаешь, иногда, заглядывание в чужие окна свидетельствует о крайней степени одиночества. Как сказал, не помню кто, но кто-то уж очень мудрый. А ты не знаешь, кто это сказал?

– Нет, не знаю. И слова эти, я считаю, на пятьдесят процентов спорные. Не всегда заглядывание в чужие окна является признаком одиночества. А на тебя, моя дорогая, я не обижаюсь. Не бери в голову! Ну, пока. До завтра, – Ива уже собралась было уходить, но вдруг передумала, решив, что это не по-людски так резко оборвать человека, не дав ему возможность выговориться. К тому же, она прекрасно помнила недавний ольгин рассказ о дочери и некоторых проблемах с мужем. Ива, с улыбкой посмотрев на Ольгу, спросила. – Тебе в какую сторону? Может быть, нам по пути?

– Мне – к центральному вокзалу, – с радостью в голосе бойко отозвалась Ольга и продолжила. – Я ведь живу не в Орхусе, а в тридцати километрах к северу. Для условий России – это не проблема. А здесь, в Дании, это считается далеко. Ещё бы! Тридцать километров – это, конечно, далеко, если учесть, что, находясь здесь, на полуострове, нельзя удалиться от моря дальше, чем на пятьдесят два километра. Так что мне сейчас на поезд, а затем пешком, что очень полезно для моей комплекции. А тебе в какую сторону?

– А мне туда, – Ива махнула рукой в противоположную от вокзала сторону, сторону парка, и продолжила со смехом. – А Бэнни – это наш чудесный серебристый лабрадор. Ну что, я тебя успокоила или разочаровала?

– Ой, Ива, это так замечательно, что я нашла здесь такого человека, как ты! – с благодарностью в голосе ответила Ольга. Но через какое-то мгновение неожиданно сменила тему, спросив. – А ты, случайно, не живёшь в вилловом квартале за парком?

– Случайно живу, – ответила Ива, улыбнувшись. – А ты, девушка, неисправима. Опять всё про меня и про меня, а я уже было подумала, что моя тема на сегодня закрыта.

– Теперь я на все сто процентов уверена, что твой муж – миллионер! – никак не унималась Ольга. – Подожди-ка! Лада, уходя, сказала, что Ульрик задал ей тридцать три задания. Слушай, а кто такой этот Ульрик?

– Вот сама завтра её и спросишь. Хорошо? – засмеялась Ива, обрадованная, что безграничное ольгино любопытство, наконец, переориентировано в другую сторону.

* * *

За окном поезда медленно проплывали зелёные поля и холмы, кое-где утыканные бело-снежно-серебристыми ветряными мельницами-турбинами. Ольга, ещё совсем недавно, впервые приехав в Данию, была в неописуемом восторге от величественности и совершенства этих, практически крупногабаритных космических, конструкций. Но сейчас, всего через каких-то пять месяцев, настолько привыкла к их существованию, что смотрела на них с полным равнодушием. Особенно сейчас, когда была полностью поглощена переработкой впечатлений школьного дня: «Везёт же кому-то! Кто-то живёт в вилле, в центре города, с богатым мужем и с собакой. А тут, как проклятая, должна ездить за немерено километров каждый день и видеть эти чёртовы мельницы по два раза в день. А, собственно, чем она лучше меня? Да ничем. Ну, конечно, симпатичная. Да и одета она дорого и со вкусом. Чувствуется, что уверенная в себе. Что тут скажешь – типичная баловень судьбы. А самый главный вопрос: Почему мужики на неё так смотрят? Особенно этот парень из Швейцарии? Тут бьёшься, как рыба об лёд, чтобы привлечь к себе внимание! А она вроде бы совсем ничего для этого и не делает, но внимания получает сполна».

По дороге от железнодорожной станции домой Ольгу не покидали мысли об Иве: «Ей хорошо быть великодушной и доброй ко всем. Ведь это ясно, что у неё самой-то нет никаких особых проблем. Какие могут быть проблемы у богатых? А тут, блин, вся жизнь только и состоит, что из проблем. В России из кожи вон лезла, чтобы чего-то добиться и жить хорошо. Два образования получила. Заработала два красных диплома. Мужа достойного нашла. И подполковник, в его-то молодые годы, и красавчик. Ну эта сволочь Лариска всё испортила. Будь

она проклята. Вот и осталась, что называется, у разбитого корыта. Ни мужа. Ни приличной работы, соответствующей моему интеллекту... А чего мне стоило окрутить Хенрика? Только одному Богу известно. Не зря получала первое образование».

Мысленно Ольга скользнула назад, в Великий Новгород, когда она переводила с английского на русский и обратно на встрече знакомств, организованной одним из брачных агентств города. Её хорошая подруга работала в этой фирме. Она-то и вспомнила об Ольге, когда их переводчица за день до очень ответственной встречи заболела и не смогла выйти на работу. Ольга сориентировалась мгновенно, понимая, что вряд ли у неё будет другой подобный шанс изменить свою жизнь в лучшую сторону. Она решила биться за своё счастье, что называется, до конца, естественно, не принимая во внимание, что Хенрик приехал на встречу с очень миловидной молодой женщиной, с которой до этого переписывался уже несколько месяцев. Ольга использовала все свои козырные карты, в том числе и прекрасное знание английского языка. И уже через четыре дня скандинавский жених предложил ей приехать к нему в гости, в Данию, абсолютно позабыв о той самой женщине, ради которой совсем недавно решился на путешествие в Великий Новгород.

Когда ольгины мысли вернулись в настоящее, совершенно неожиданно для себя самой, она вдруг ощутила что-то вроде отвращения к Хенрику и жалости к себе: «Собственно, ради чего я так напрягалась? Ради его двух тысяч крон, что он перечисляет мне на счёт каждый месяц? А разве я не достойна чего-то большего? В постели от него радости мало. Это и понятно. Ведь у нас разница в двадцать лет. Заиметь от него потомство мне тоже не грозит. Моряк, чёрт возьми, спички бряк. Нагулялся по полной программе! Наоставлял детей по всему миру! А на старости лет за ум взялся и сделал операцию по стерилизации. И совершенно непонятно зачем. Он ведь и без этого уже, думаю, минимум лет десять, не представляет угрозы для женщин.

Ну, хорошо. Нужно быть объективной и признать, что дом у него очень даже приличный. Хотя, конечно, далеко от города. А с другой стороны, мне-то что от этого дома? Хенрик сразу меня предупредил, что в завещании записаны его датские дети, которых у него трое. И нам с Наташкой ничего не достанется. Это – факт. И – это, собственно, все минусы. Ну, ведь и плюсы тоже есть. Во-первых, две тысячи крон – это двенадцать тысяч рублей. Для Великого Новгорода – хорошие деньги. И Наталье это – хорошая помощь. Во-вторых, Хенрик почти всегда в плавании, а я на всё время его поездок – свободная женщина и могу делать всё, что хочу. В-третьих, и это самое главное. Сейчас я живу в Европе, и даже ещё лучше. В Скандинавии. Где существует масса возможностей для прекрасной жизни. И я должна быстро думать и использовать любой шанс, чтобы сделать жизнь моей дочери, не забывая при этом мою собственную, счастливее и беззаботнее».

* * *

– Да ты мой хороший! Заждался меня, моя ласточка! – с любовью и теплотой в голосе произнесла Ива, подходя к дому и одновременно выуживая из сумки ключи.

В ответ она услышала переполненное нетерпением и радостью повизгивание, перемежающееся с энергичным потягиванием воздуха через почтовую скважину входной двери. Не успела она войти в дом и прикоснуться к этому доброму, нежному и такому милому существу, излучающему в окружающий мир поток безграничной любви, радости и тепла, как эта мощная волна энергии, исходящая от него, накрыла Иву с головой, тут же унеся прочь все неприятные переживания первого школьного дня. «Как же замечательно, что мы купили Бэнничку», – радостно подумала она, аккуратно надевая ошейник на своего любимца. Тот же в свою очередь, в знак благодарности, отозвался тёплым и влажным облизыванием её щеки.

Прогулка по парку не заняла много времени, так как Бэнни постарался сделать все свои дела невероятно быстро, стремглав пролетев пару кругов по своему обычному маршруту. Наконец, подбежав к Иве и заглянув в её глаза, он прыжками полетел в направлении дома, периодически возвращаясь к хозяйке и опять убегая вперёд. Ей только и оставалось, что в особом контейнере, расположенном на территории парка, взять разовые перчатки, пластиковый пакет и совок, с помощью которых она должна была собрать несколько утяжелённый результат Бэнниной прогулки и выбросить его в другой контейнер, специально отведённый для таких вот продуктов жизнедеятельности четвероногих друзей.

Уже почти два месяца Ива старается привыкнуть к этой новой для себя обязанности. «Не лёгкая же это задача! А что делать? – тяжело вздохнув, подумала она, натягивая на руки пластиковые перчатки. – В любом случае это проще и быстрее, чем сортировать домашний мусор. Вот где проблема-то!» Во-первых, каждый раз перед выбрасыванием мусора нужно помнить о необходимости его сортировки. Во-вторых, сортировать этот самый мусор нужно в соответствии с много лет существующими в Дании правилами. Так, например, для овощных и фруктовых отходов предназначаются пластиковые пакеты зелёного цвета, а для обычного мусора – чёрного. И, что самое интересное, эти пакеты не нужно покупать, а следует лишь прийти в городскую библиотеку и взять столько пакетов, сколько тебе необходимо. Пластиковые бутылки и жестяные банки нужно относить в супермаркет, где они должны отправляться в особый автомат. Газеты, журналы, рекламы и другая бумажная продукция – в специально отведённое место. Стекланные бутылки из-под вина – также в особый контейнер. Даже использованные батарейки имеют своё отдельное место. А ненужная обувь и одежда, как правило, получают временное пристанище в ярких контейнерах Датского Красного Креста. Поначалу было очень трудно держать всё это под контролем. Но, понимая, что это очень важно для сохранения чистоты окружающей природы, и вспоминая неухоженность родного Новогорска, Ива делала это, причём с большим старанием и особой тщательностью.

Вернувшись домой и накормив не на шутку проголодавшегося Бенни, она налила себе стакан своего любимого сока гуавы и направилась в сад, чтобы посидеть у небольшого фонтана, который по полному праву считала своим детищем. Когда Ива впервые заговорила с Ларсом о возможности его сооружения, то столкнулась с отрицательной реакцией мужа. Но все его аргументы «против» не смогли перевесить ивины «за», и очень скоро приятные звуки журчащей воды стали растекаться по саду семьи Енсен, а Ларс не уставал повторять: «Любимая, этот фонтан не просто красиво, но ещё и полезно для здоровья. Я считаю, что, без сомнения, он обладает терапевтическим эффектом». «Да-а. Наш сад очень уютен и, пожалуй, самый лучший во всей округе, – подумала Ива, с огромным удовольствием обведя взглядом пространство вокруг себя, и, увидев Бэнни, улыбнулась. – И, без сомнения, самый лучший в мире пёс!»

Серебристый милашка, уютно расположившийся на каменных плитах, успевших с утра впитать в себя всё тепло лучей августовского солнца, увлечённо упражнялся с мячиком, иногда поглядывая на хозяйку своими голубыми бездонными глазами. Бэнни, будучи настоящим лабрадором, постоянно нуждался в ощущении себя частью семьи и абсолютно не любил оставаться один. Вот и сейчас он последовал за Ивой в сад, захватив по пути свою любимую игрушку, так же, как хозяйка взяла с собой телефон, помогающий ей, в свою очередь, ощущать себя частью семьи в те самые моменты, когда Ларса не было дома. «Между нами существует огромное сходство, мой друг, – тихо произнесла Ива, с любовью наблюдая за Бенни. – Мы не любим одиночество».

Фонтан журчал успокаивающими нотками. Чёрные дрозды неумоимо пели свои песни. Именно здесь, в Дании, Ива впервые увидела этих чудесных созданий чёрного цвета с ярко жёлтыми клювами, поразивших её своей способностью петь в течение всего дня. «Это удивительно, но их арии никогда не повторяются, неизменно сохраняя такое райское звучание, что просто невозможно оставаться равнодушной к их волшебному мастерству», – восторженные

мысли наполнили ивину душу. Она даже почувствовала, будто большая тяжесть упала с плеч, и стало легче дышать. Ива очень любила такие моменты мира и покоя, когда она, казалось, растворялась в воздухе, становясь абсолютно невесомой, а каждая клеточка её тела начинала вибрировать с частотой вибрации природы.

Прикрыв глаза, она просидела несколько минут. Неожиданно из всего окружающего её музыкального ряда вдруг выпала некоторая группа звуков. Она открыла глаза и обнаружила, что Бэнни уснул мирным сном, оставив лежать в покое свой излюбленный мячик. И в этот самый момент Ива внезапно ощутила такую острую необходимость почувствовать себя частью семьи, что набрала номер телефона Ларса. Подождав какое-то время и не получив ответа, она выключила телефон и положила его на стол, решив не оставлять сообщение. «Он, наверняка, сейчас очень занят», – подумала она. Затем Ива наклонилась и погладила спящего друга, никак не отреагировавшего на проявление её нежности. Неожиданно зазвонивший телефон заставил её вздрогнуть и на мгновение разбудил Бенни. Это оказался Ларс, позвонивший для того, чтобы предупредить жену о вынужденной задержке на работе, связанной с подписанием контракта на поставку мебели в Японию.

– Не скучай, моя дорогая, я постараюсь прийти домой как можно быстрее. Люблю тебя.

– Я тебя тоже.

Положив трубку, Ива внезапно почувствовала такой острый приступ давящего на сердце, теснящего грудь и разрывающего изнутри одиночества, что тут же решила набрать желанный номер телефона в географически сильно отдалённом от Дании, но таком близком её сердцу Новогорске. Каждый день она звонит по этому номеру, чтобы услышать родные голоса дорогих для неё людей, не только подаривших ей жизнь, но также сделавших и делающих до настоящего момента всё, от них зависящее, чтобы ивина жизнь была максимально наполнена любовью и теплом. Она так благодарна им за это. Жизнь Ивы, до момента появления в ней Ларса, сложилась таким образом, что, получив достаточное количество уроков, она усвоила одно простое правило, что только родители всегда рядом с ней, и только они всегда готовы понять её и прийти на помощь, что бы ни случилось. А с момента, когда Ларс вошёл в её жизнь, она старается усвоить новое правило, что во всём мире существуют только три человека, которые заботятся о ней, ценят её и любят такой, какая она есть.

Сегодня, как всегда, она набирает знакомый номер, и, как всегда, от радости её сердце готово выпрыгнуть из груди, когда в ответ на своё стандартное приветствие «Приветик, ребята!» она слышит родной голос мамы:

– Здравствуй, доченька!

Или папы:

– Здравствуй, Ивочка!

Почти всегда родители умело организуют вращение телефонного разговора вокруг Ивы и её жизни в Дании. Лишь изредка ей удаётся перехватить инициативу, и тогда беседа начинает течь в направлении Новогорска. Ведь для неё настолько важно знать, как и чем живут два родных для неё человека. Но почти каждый раз она слышит в ответ: «У нас всё хорошо! Доченька, не волнуйся за нас!» А она волнуется. Постоянно волнуется: «Как там мама работала сегодняшней день? Сколько приняла больных? Как папа? Не сильно ли напрягают его аспиранты? Не слишком ли много он работает у компьютера? Продолжают ли они ходить в бассейн?» Такого рода вопросы без усталости крутятся в ивиной голове.

Сегодня ей удалось опередить родителей и задать им все на тот момент интересовавшие её вопросы относительно их жизни. Оставшись довольной ответами Марка Александровича и Аллы Михайловны, Ива решила перейти к рассказу о школе, что вызвало огромную заинтересованность со стороны родителей. Но в тот момент, когда она уже заканчивала делиться своими впечатлениями о преподавательнице и одноклассниках, Бэнни неожиданно подскочил на месте

и во всю прыть бросился бежать в направлении гаража с повизгиванием, обычно сопровождающим встречу с любимым хозяином.

– Ой, мам, извини. Посмотрю, кто бы это мог быть, – внутренне напрягшись, тихо протянула Ива дрожащим от волнения голосом и быстрым шагом направилась следом за Бенни, до боли прижав к уху телефонную трубку, которая в данный момент была для неё чем-то вроде спасательного круга, способного оказать помощь и избавить от всевозможных неприятностей, таящихся в океане окружающего её мира. Еле слышно она продолжала говорить, адресуя слова только себе. – Бенни ведёт себя как-то странно. Но ведь Ларс ещё должен быть на работе?!

– Ивочка, доченька, что случилось? Ну, пожалуйста, скажи мне, что происходит? Почему ты молчишь?!

– Ой, мамочка, это опять я! – звонкий голос Ивы, словно прорвавшись сквозь пространство, опять зазвенел в телефонной трубке Аллы Михайловны, заставив её вздохнуть с облегчением. – Уже два месяца живу в Дании, а всё не могу привыкнуть, что здесь нечего бояться, особенно среди бела дня. Здесь почти нет криминала! Ох, ну вы только посмотрите, что за картина – просто сладкая парочка!

Ива от души засмеялась, увидев, как довольный Бенни, задрав лапы кверху, лежал на спине, а Ларс, склонившись над ним, почёсывал его круглый животик. При приближении жены Ларс поднял голову и широко улыбнулся своей обворожительной улыбкой: «Сюрприз! Не ожидала? Подожди секундочку», – и с загадочным выражением лица направился к открытому багажнику автомобиля.

– Девочка моя, я так счастлива, что у вас всё хорошо, – с облегчением выдохнула Алла Михайловна. – Я слышала голос Ларса. Передавай ему от нас большой привет! Иди, Ивочка, общайся с мужем. Ну а нам с папой пора идти спать. Не забывай, что между нами шестичасовая разница во времени!

– Ларс, тебе привет от родителей!

– Огромное спасибо! – звонко отозвался Ларс, только что вынырнувший из огромного багажника нового серебристого Крайслера Туринг. В руках он держал роскошный букет, состоящий из большого количества роз и ещё каких-то прекрасных экзотических цветов. С первого взгляда, брошенного на букет, можно было понять, что это – авторская работа, купленная в дорогом цветочном бутике. Ива не в первый раз до слёз растроганная таким вниманием со стороны мужа, подошла к нему и поцеловала со словами:

– Какой же ты у меня хороший!

– Эти цветы для тебя! – тихо прошептал Ларс и притянул жену к себе, обняв за талию. Затем, наклонившись к зажатой в ивиной руке телефонной трубке, он произнёс бодрым голосом по-русски, чётко проговаривая каждое слово. – Здравствуйте, мама! Здравствуйте, папа! Как дела?

Ларс знал всего несколько русских слов и почти всегда старался их использовать при общении с Аллой Михайловной и Марком Александровичем, получая огромное удовольствие от положительной реакции на них со стороны ивиных родителей. И действительно, каждый раз, когда они слышали Ларса, добросовестно проговаривающего, с удивительно смешным акцентом, каждое слово, стараясь копировать ивины интонации, они забавлялись, пытаясь сохранять при этом уважительный тон, чтобы зять не обиделся. Ларс же, в свою очередь, очень хорошо понимая, что каждый раз ему удаётся порадовать новых членов его семьи, не только не обижался, но, напротив, сам радовался и веселился, причём даже больше, чем они.

– Здравствуй, дорогой Ларс! У нас всё очень хорошо! – весёлым голосом ответила зятю Алла Михайловна. – Папа Марк здесь рядом и тоже посылает тебе привет! Мы очень рады тебя слышать! Мы надеемся, что у вас всё хорошо! Целуем всех вас, не исключая и славного малыша Бенничку! Ивочка, переведи, пожалуйста! И до завтра, наши дорогие! Всего вам хорошего!

Ива стала быстро переводить для Ларса слова мамы, внимательно наблюдая за тем, как муж, положив цветы назад в багажник машины, идёт с заинтересованным выражением лица по направлению к ней. Как только она произнесла последнее слово, Ларс, всё это время старавшийся усилиями воли удерживать свои бурлящие эмоции под маской благоразумия, позволил себе, наконец, выплеснуть свои чувства наружу и практически бросился на Иву. Он пригнул её к себе своими сильными и властными руками, целуя и жарко шепча: «Сладкая моя, как я по тебе соскучился!»

Этот сладостный для них обоих миг прервал Бенни, изо всех сил стремящийся привлечь внимание хозяев. Он кружился вокруг них, подпрыгивая на задних лапах и пискляво лая, стараясь тем самым довести до сведения хозяев, что у него, как и у них, тоже есть огромное желание поиграть.

– Да ты мой хороший! Иди сюда! – Ива, наклонившись к Бенни, стала теревать его за уши, чем вызвала щенячий восторг, сопровождающийся ещё более громким лаем.

– Тише-тише! Бенни! Мой друг! Спокойно! Иди в дом! – испуганно затараторил Ларс, серьёзно посмотрев на четвероногого друга. А затем с виноватой улыбкой обратился к Иве. – Не очень хорошо, что Бенни так громко лает и тем самым нарушает покой наших соседей. Мы должны постараться, чтобы этого больше не повторялось.

Ива онемела от неожиданности, а мысли в её голове, напротив, закружились со скоростью света: «А что, собственно, должно больше не повторяться? Разве для Беннички запрещено радоваться от всей души? Да и причём здесь соседи? А где же здравый смысл? Они живут в своих домах, а это – наш дом и наш сад! И мы здесь вправе делать всё, что хотим!»

Распираемая сильным желанием непромедлительно высказать мужу всё, о чём прямо сейчас думала по этому поводу, Ива с великим трудом нашла в себе силы, чтобы удержаться от этого ошибочного шага: «О, Боже, как же глупо с моей стороны говорить о здравом смысле! Ну, напряги же свои кандидатские мозги! Дания – это действительность, которая возникла задолго до тебя и долго просуществовала до твоего переезда сюда. Здесь существует свой здравый смысл, своя система общепринятых представлений о реальности, которая формировалась благодаря усилиям многих поколений датчан. Ты прожила в этой стране всего ничего, а пытаешься всё здесь оценивать с позиции российского здравого смысла. Не смешно ли?» Ива улыбнулась сама себе, оставшись довольной тем, как капля здравого смысла в море безумия позволила ей остаться на высоте.

Ларс, отведя Бенни в дом, вышел в сад, где осталась Ива. Мысленно он ругал себя за своё высказывание относительно Бенни, предполагая, что, испортил жене настроение. Но, увидев улыбку на её лице, широко улыбнулся в ответ и радостно произнёс: «Моя любовь, пойдём в дом! Время готовить торжественный ужин в честь твоего первого школьного дня, а значит и первого серьёзного шага к интеграции в датское общество! Пойдём, дорогая! Посмотришь, что я купил! И не забудь, пожалуйста, цветы!» Он осторожно достал из багажника букет и передал его Иве, а затем оттуда же выудил два огромных и до упора набитых фирменных пакета из элитного супермаркета «Саллинг».

Ива с трепетом взяла цветы, поднесла их к лицу и, полной грудью глубоко вдохнув бесподобный аромат, почувствовала, как радость жизни стала свободно растекаться по всему её телу. «Господи, я – словно маленькая Ида из сказки Андерсена! Вокруг меня цветы, цветы, цветы! Масса благоухающих счастливых цветов, танцующих и целующихся каждую ночь на балах...» – подумала она.

– Милый мой Ларс! Как же хорошо, что ты у меня есть! Я пью этот бокал за тебя, мой дорогой! – час спустя со слезами на глазах произнесла Ива, подняв высокий фужер её любимого французского шампанского Моэт э Шандо, которое впервые попробовала здесь, в Дании, в день своего приезда в Орхус. Беспредельная благодарность, переполняющая её сердце, желала вырваться наружу. – Огромное тебе спасибо за ту сказку, которую ты создаёшь

для меня каждый день! Никто и никогда не дарил мне столько цветов! Тем более без повода!
За тебя, мой сладкий!

– Ну, здесь, дорогая, позволь мне с тобой не согласиться! Я всегда дарю тебе цветы только по поводу! И повод этот – ты, Ива! Господи, как же я люблю тебя! – Ларс поднялся из-за стола и направился к жене.

– Иди же ко мне, мой милый!

Глава 2

«Привет! Это я!» – весело крикнула Ива, открыв дверь своим ключом и войдя в квартиру. Она осторожно положила на тумбочку в прихожей букет роз – подарок коллег по работе, только что подаренный Павлом скромный букет из трёх белых хризантем и большую коробку с любимым тортом мужа. Тишина квартиры давила на уши, и Ива крикнула громче, в глубине души уже не надеясь услышать ответ: «А кто будет меня встречать?!» Быстро открыв обувной шкаф и обнаружив, что обуви мужа там нет, она посмотрела на часы: «Восемь часов, а Константина до сих пор нет дома. Что случилось? Где он может быть? По вторникам он обычно не ходит в тренажёрный зал. Да, к тому же, сегодня. Хотя, быть может, он и забыл. Утром ведь он тоже не поздравил меня».

Поставив торт на кухонный стол, Ива, не переодеваясь, решила подрезать розам стебли. Закончив с этой работой, она аккуратно поставила цветы в высокую хрустальную вазу, которую решила разместить в гостиной. Букет же из хризантем она унесла в свой кабинет. Приняв душ и надев домашний халат, Ива заварила себе ромашковый чай и включила телевизор. Местные новости уже закончились, и диктор перешёл к хронике происшествий. Дослушав программу до конца, Ива порядком заволновалась: «Пятнадцать минут десятого, а его всё нет. Ну, всё, хватит, не могу больше ждать. Нужно звонить. Может быть, не дай Бог, что-то случилось?!» Она быстро набрала номер мужа с огромной надеждой услышать его, как всегда, скушающий голос: «У меня всё хорошо. Сейчас не могу разговаривать. Пока». Сейчас этот характерный для Константина стандартный набор слов мог бы быть самым лучшим подарком к её дню рождения. Но телефон отчеканил женским металлическим голосом, что абонент не отвечает или временно недоступен.

«Что делать?» – без устали вертелось в ивиной голове следующие сорок пять минут, пока она с чувством страха и чрезмерной тревоги металась от одного окна к другому. Ещё более нагнетала тревожное настроение резкая смена погоды за окном. С ясной и тихой, простоявшей в течение всего дня, она в считанные минуты сменилась на пасмурную. Сначала слабый ветерок погнал лёгкую позёмку. Затем, за какие-то пять минут, тёмное и тяжёлое небо стало абсолютно чёрным. Задул сильный ветер. А потом на землю обрушился сильнейшим снегопад, мгновенно покрывший всё вокруг пушистым ковром.

Когда, наконец, Ива услышала долгожданный звук ключа, поворачивающегося в замочной скважине двери, её сердце от радости чуть не выпрыгнуло наружу. С мокрым от слёз лицом она бросилась навстречу входящему в двери мужу: «Где ты был? Я так волновалась?»

– А в чём дело? Что случилось? – несколько раздражённо спросил Константин, отстраняя жену в сторону. – Можно я сначала разуюсь? Ты знаешь, я вообще-то очень устал.

– Ты не можешь себе представить, как я переволновалась. Ведь ты обычно не ходишь в тренажёрный зал по вторникам, – как-бы извиняясь, тихо произнесла Ива.

– Обычно не хожу, а сегодня – решил позаниматься. Что в этом такого криминального? – ещё более раздражаясь, ответил Константин.

– Холодно, пустынно, грандиозно! – только и смогла промолвить Ива, неожиданно вспомнив сказку Андерсена «Снежная королева». Она почти бегом пересекла коридор и исчезла за дверью спальни комнаты, где, сбросив халат, юркнула под одеяло, укутавшись в него почти с головой. Рыдания сотрясали всё её тело. Минут через пятнадцать она напряглась, услышав, как дверь в спальню отворилась. Ива лежала, затаив дыхание. Константин медленно подошёл к кровати и улёгся на неё, повернувшись спиной к жене. Уже через считанные мгновенья ровное и мерное дыхание уснувшего Кости заполнило тишину спальни. «Ты, как Кай, совсем поси- нел, почти почернел от холода, но не замечаешь этого. Твоё сердце, что кусок льда», – Ива заплакала, уткнувшись в подушку.

Ей казалось, что она проплакала целую вечность, пока в сердце не воцарилась абсолютная пустота. Душевная боль куда-то ушла, уступив место чувству холодного дискомфорта. Ива не сразу поняла, что источником этот холода является сырая от её слёз подушка. «Подушка мокрая от слёз, букет завядших алых роз», – пронеслись в её голове слова какой-то грустной песни. Она перевернула подушку на другую сторону, улеглась на спину и уставилась в белеющий в темноте потолок. В голове закружились, как множество пчёл, вопросы: «Откуда у него столько эгоизма и безразличия по отношению ко мне? А, может быть, я сама в чём-то виновата? Что же мне делать?» Ива перевела взгляд на широкую спину Константина и подумала: «А, может, ещё не всё потеряно? Скорее всего – это простое недоразумение. Я должна с ним поговорить. Завтра же это и сделаю». Наконец, она погрузилась в сон, постепенно теряя нить своих размышлений, становившихся всё менее и менее отчётливыми.

* * *

– На что ты надеешься? Неужели ты до сих пор веришь, что он может быть другим? Ты с ним прожила уже шестнадцать лет, из которых, по меньшей мере, лет шесть, живёшь в душевном холоде и полном равнодушии к тебе. Поверь, что он тебя не любит! И никого не любит, за исключением себя самого! – тихо произнёс до боли знакомый женский голос. Ива, проснувшись, попыталась открыть глаза, но налитые свинцовой тяжестью веки не подчинились её воле. Она хотела подняться, но тело не поддавалось. Мысли в голове тянулись медленно, словно увязали в топком болоте: «Что это со мной? Что происходит? Кто это со мной говорит? Я узнаю этот голос». Не раскрывая рта, она, полная возмущения, обратилась в своём сердце к той, кто её разбудила:

– Это неправда! Он меня любит! Да кто ты такая, чтобы рассуждать о его чувствах? Да что ты знаешь?!

– Беги от него! Беги быстрее и не оглядывайся! Неужели ты не чувствуешь, что ты с ним не живёшь?! Ты медленно умираешь. Ты должна всё это остановить! – продолжил голос, не обращая внимания на ивины возражения. – Тебе необходимо вспомнить всё, что было в вашей совместной жизни. И хорошее, и плохое. И тогда ты сама всё поймёшь.

Ивиной воле подчинились лишь глазные яблоки, которыми она могла водить то вправо, то влево, то вверх, то вниз, чтобы разглядеть те картинки, которые разворачивались перед её глазами, сменяя друг друга.

«Горько, горько!» – радостно кричат гости. Ива ощущает жар и сладость его поцелуя на своих губах. Она практически теряет сознание от переизбытка чувств.

– Я тебя люблю! – срывается с его губ. Сильные руки обвиваются вокруг её талии.

– Я тебя люблю! – как эхо повторяет Ива.

Вдруг они вместе оказываются на зелёном просторе луга с растущей и набирающей силу травой. Они бегут по нему, глубоко вдыхая полной грудью свежий аромат зелени. Через несколько секунд они, такие радостные и счастливые, оказываются в тёмном и густом лесу. Константин останавливается, как вкопанный, боясь двинуться вперёд. Ива же поворачивается к нему, светясь от радости, и кричит:

– У нас скоро будет ребёнок! Я беременна! Ты счастлив?

Неожиданно сверкает яркая молния. Гремит раскат грома. Содрогается земля. По высоким кронам деревьев проносится сильный ветер.

– Мы должны быстро отсюда выбираться. Здесь опасно! Молния может опять ударить! С ребёнком мы не сможем отсюда убежать! – как приговор звучат слова Константина. Его лицо темнеет.

– Что это значит? Как я должна понимать твои слова? Ты что, не хочешь иметь ребёнка? – рыдания вырываются из ивиной груди.

Яркая молния. Ива падает.

Белые стены. Белый потолок. «У вас произошёл выкидыш, – как гром среди ясного неба звучат слова доктора. – Такой выкидыш оставляет последствия».

– Костя, мы потеряли нашего ребёнка! Возможно, мы никогда не сможем иметь детей! – рыдает Ива.

– Да не переживай ты так. Может быть, это и к лучшему, – в спешке допивая свой утренний кофе, произносит Константин. – Опаздываю. Извини. Вечером поговорим. Хорошего дня.

«Поздравляем вас, Ива Марковна, с блестящей защитой кандидатской диссертации!» – долетают до Ивы слова учёного секретаря диссертационного совета. Поздравления членов совета, научного руководителя, оппонентов, рецензентов. Все её хвалят и пророчат большое будущее в науке. Она мчится на всех парусах к мужу: «Он должен первым узнать о моей победе!» «Ну, что же, поздравляю! Ты ведь у нас умная. Ты это заслужила», – слова Константина звучат как-то странно: то ли с упрёком, то ли с обидой. Но, уж точно, не с искренней радостью. «Почему же я раньше не обратила на это внимание?» – молниеносно проносится в ивиной голове.

«Не надо, мой милый, успокойся. Пожалуйста. Конечно же, ты не можешь работать всю жизнь инженером-электронщиком. Я это очень хорошо понимаю. Ты заслуживаешь большего. Не беспокойся. Я помогу тебе получить высшее финансовое образование. Подожди немного», – Ива старается успокоить своего мужа, который вот уже несколько месяцев, практически с момента её назначения на должность директора Новогорского филиала Московского экономического университета, опять и опять начинает этот разговор, стараясь объяснить жене, что он устал работать мальчиком на побегушках и хочет чего-то большего. Ива уже с первого раза прекрасно поняла, как это для него важно. Но она также очень хорошо понимала, что ей, как новому директору, будет нелегко это сделать. Тем не менее, она прилагает все усилия и делает всё возможное и невозможное, чтобы помочь мужу получить долгожданный второй диплом, открывающий перед ним двери кредитного управления центрального банка города.

– Поздравляем тебя, Костя, с новым назначением на должность главного специалиста кредитного управления банка! – радостно звенят слова Марка Александровича и Аллы Михайловны, лица которых светятся от счастья и радости за дочь и зятя.

– Спасибо большое, – благодарит их Константин уверенным и слегка вальяжным голосом. – Но, я считаю, что это справедливо. Не правда ли?

Ивины родители, зная, какую роль играла их дочь во всём этом процессе и, естественно, ожидая другого ответа, быстро переглядываются между собой. Их главная цель всегда была и есть – счастье дочери. А потому они спешат поскорее уйти домой, чтобы не сказать лишнее и не испортить жизнь дочери, особенно после того, как та радостным голосом отвечает на вопрос мужа: «Конечно, милый, ты это заслужил!»

Скользкая дорога. Крутой поворот. Доли секунды и автомобиль летит к обочине дороги. Удар. А дальше – провал в памяти. Звон в ушах. Темно в глазах. «Вы, ребята, счастливики! Вы чудом спаслись! У вас сегодня – второе рождение! Это точно! Говорите спасибо вашему водителю. Он сегодня совершил героический поступок!» – опять и опять раздаются в ивиных ушах слова спасателей, пока она поднимается в лифте на восьмой этаж. Замёрзшая, уставшая, с сильной головной болью и голодная она только и мечтает, чтобы побыстрее оказаться дома и утонуть в объятиях мужа, который наверняка уже весь извёлся, ожидая её.

Угольно-чёрная темнота коридора, засасывая Иву, обжигает её жутким холодом, заставляя сердце замедлить свой ритм.

– Костя, ты дома? Где ты? – Ива забегает в спальню и видит мужа, только что проснувшегося и сердито смотрящего в её сторону. – Ты спишь? А ты что, даже не волновался?

– А с чего ради я должен волноваться? Ты ведь у нас девушка занятая. Имеешь право задержаться на работе.

– В это-то время?! Посмотри на часы! Уже глубокая ночь! А тебе, случайно, не приходило в голову, что со мной могло случиться что-то плохое?!

– Что-то плохое? Что может с тобой случиться? И, знаешь, мне завтра рано вставать. Если тебе не спится, то это не значит, что и другим спать не хочется. Спокойной ночи. Я сплю. Всё, – недовольно проговорил Константин и повернулся к Иве спиной. Его последние слова словно долетели до неё откуда-то издалека, наполняя сердце горечью и отчаянием. «Я сплю. Всё», – ещё какое-то время, как эхо, повторялось в её голове.

– А теперь-то ты веришь, что он тебя не любит? – тихо спросил тот же знакомый голос. – Ви-ижу, что поверила. Ну ничего, не переживай ты так. Всё будет хорошо. Ты должна быть сильной! И помни: ты заслуживаешь, чтобы тебя любили!

Рыдания сотрясали ивино тело, не давая продохнуть. Сквозь слёзы она продолжала, как заведённая, повторять:

– Ты ошибаешься! Я не верю тебе! Не верю! Почему я должна тебе верить?! Кто ты такая?! Я даже не могу тебя увидеть? Но я уверена, что знаю тебя! Ведь знаю?

– Конечно ты меня знаешь, – Ива ощутила на своём плече тёплое поглаживание. Скрипнула кровать, как будто кто-то с неё встал. Исчезло ощущение теплоты в районе плеча. Скрипнул паркет. Только сейчас Ива смогла с трудом приоткрыть тяжёлые веки. Она увидела высокую стройную женщину с длинными тёмными волосами, направляющуюся к двери спальни. Вдруг женщина остановилась в дверном проёме и повернулась, так что Ива смогла увидеть её лицо, онемев от удивления и ужаса. В следующий момент женщина исчезла, как серебристое облако, растворившись в тёмно-синем воздухе комнаты. «Как это возможно?! Я, что же, разговаривала сама с собой?! А, может быть, я сошла с ума? Подожди! Вернись же! Не исчезай!» – закричала Ива.

«Ты что кричишь как сумасшедшая? Ты меня так испугала, – сквозь сон услышала Ива сердитый голос мужа. Она с трудом открыла глаза и разглядела перед собой в сумраке раннего утра злое лицо Константина, склонившегося над ней и трясущего её за плечи. – А ведь мне завтра, нет, уже сегодня, рано вставать. Нельзя же быть такой эгоисткой! Спи!»

* * *

Ива лежала с открытыми глазами, глядя в потолок и пытаясь вспомнить, что она видела во сне и почему кричала. Все её попытки восстановить в памяти события прошедшей ночи не увенчались успехом. Только одно она знала, или скорее чувствовала, что её сон был очень неприятным, тяжёлым и каким-то образом связанным с Константином. Ива потянулась, зевнула и посмотрела на будильник, с разочарованием обнаружив, что через пятнадцать минут ей придётся вставать. Она с великим трудом переключила ход мыслей на настоящее, мысленно пробегая по пунктам своего плана на предстоящий день. Резкий звук будильника заставил её вздрогнуть. «Знала же, что скоро зазвонит, но всё равно испугалась, – мгновенно отключив звуковой сигнал, подумала Ива, с нежностью посмотрев на мужа, сопящего на своей стороне кровати. – Так сладко спит, словно ребёнок. Пусть поспит ещё немного. А я пока пойду и приведу себя в порядок».

Включив в ванной комнате свет и посмотрев на себя в зеркало, Ива расстроилась: «Что-то я не припомню, когда в последний раз я так безобразно выглядела?» Серые круги под опухшими глазами. Бледный цвет лица. Она долго и пристально всматривалась в своё отражение, пока ей не стало казаться, что в зеркале она видит не себя, а какую-то другую женщину. «Неужели это я?! Совсем старуха! Господи, глаза не блестят и уже совсем не голубые, а какие-то серые! Морщины! Цвет лица несвежий! Что же это такое? Когда я успела так постареть? – Иве вдруг стало себя так жалко, что она почти заплакала. Но уже через несколько секунд, сделав несколько глубоких вдохов, ей удалось взять себя в руки. – Хватит себя жалеть! Лучше

вспомни, сколько тебе лет. Если забыла, то напомню. Тридцать семь. Что называется, девушка непервой свежести. И это абсолютно естественно, что Константин потерял к тебе интерес! Посмотри, сколько вокруг молодых и красивых! С ними трудно тягаться! Тебе нужно держаться за мужа обеими руками, чтобы не потерять его! Да и где тебе лучше найти?!»

До Ивы долетел звук будильника. Она, осознав, что так и не успела привести себя в надлежащий вид, бросилась на кухню: «Самое главное – успеть сварить овсяную кашу и приготовить кофе для Кости. А себя я приведу в порядок позже, когда он уйдёт. Ничего страшного не произойдёт, если сегодня я немного опоздаю».

– Доброе утро, мой хороший! – Ива поприветствовала входящего на кухню мужа. Она не оставила без внимания его удачный выбор галстука, красиво уложенные волосы и опьяняющий мужской аромат Живанши. Вытянув руки и улыбаясь, она пошла навстречу Константину. – Ты у меня такой красивый и такой вкусный!

– Ой, нет, мне сейчас не до этого. Поверь, совершенно нет времени. Извини, – сморщился Константин, мягко отстранив Иву в сторону. Он бросил взгляд на обеденный стол. Его глаза наполнились удивлением, когда он увидел вдобавок к обычному завтраку торт. – Мой любимый торт?! В честь чего?

– Да так, просто захотелось тебе сделать приятное, – смутилась Ива.

– Странно. Но ты ведь знаешь, что у меня диета. Зачем ты меня так искушаешь?

– Ну, может быть, ничего не случится, если ты съешь один кусочек за моё здоровье.

– О, чёрт! Совсем забыл! Твой день рождения! Извини меня!

Примерно через десять минут, стоя у порога, он, притянув Иву к себе, поцеловал её в щёку со словами:

– Подарок за мной! Пока! Вечером увидимся!

Входная дверь захлопнулась, а Ива продолжала ещё какое-то время стоять, как вкопанная: «И это всё?! Единственный поцелуй в щёку?!» Тяжело вздохнув, она поплелась на кухню. Вымыв посуду и приведя себя в порядок, она задержалась у зеркала, отметив, что даже хороший макияж не смог скрыть следы бессонной и жуткой ночи. Закрывая дверь квартиры и спускаясь в лифте, Ива, не переставая, думала о реакции мужа на торт и о его поцелуе: «Да-а, даже поцелуй в щёку заряжает положительными эмоциями!» Но через мгновение на смену сарказму пришла тоска: «Но как же хочется опять ощутить на своих губах чувственный поцелуй! Боже мой, как же я устала так жить! Как же я хочу быть любимой и желанной!»

* * *

– Доброе утро, Ива Марковна!

– Доброе утро, Павел, – автоматически отозвалась Ива, садясь, по обыкновению, на заднее сиденье своей служебной старенькой Тойоты Короллы.

– Вы выглядите сильно уставшей. Вчера, наверное, допоздна отмечали ваш день рождения?

– Да, наверное, – последовал резкий ответ.

– Вы меня извините, что лезу не в своё дело, – смешался Павел, посмотрев на директора в зеркало заднего вида и смущённо улыбнувшись.

– Всё нормально. Всё хорошо, – тихо отозвалась Ива, пытаясь проглотить подступивший к горлу комок. – И, знаешь, это ты меня извини, что сегодня тебе так долго пришлось меня дожидаться.

– Да что Вы! Это моя работа! – Павел задержал на ней свой внимательный взгляд, заметив, что её глаза покраснели и стали влажными от слёз. – Ива Марковна, а вы обратили внимание, какое сегодня чудесное утро?! Совсем не зимнее! Правда?!

– Да, совсем незимнее, – Ива пыталась украдкой стереть стекающие по щекам слёзы, опасаясь, что Павел может их увидеть.

Неожиданно автомобиль остановился, и, как сквозь сон, она услышала слова водителя:

– Возьмите, пожалуйста, салфетки, – он протянул ей несколько штук и вышел из машины. Через несколько минут, вернувшись, он предложил Иве бутылку холодной минеральной воды, только что купленную специально для неё в ближайшем магазине. – Я подумал, что это может помочь.

– Да, это кстати! Паша, большое тебе спасибо! – тихо произнесла Ива, которой уже удалось мало-помалу совладать со своими эмоциями. Открыв сумку, достав пудреницу и посмотрев в зеркало, она вздохнула. – Ну и видок! Страх! Как с таким лицом я могу показаться на работе?!

– Не волнуйтесь Вы так! Пока мы доедем, ваши глаза уже высохнут!

– Спасибо ещё раз, – Ива благодарно посмотрела на Павла.

– Не за что.

Поправив макияж, она какое-то время смотрела на проплывающие мимо пейзажи. Затем, осторожно опустив стекло, вдохнула прохладный воздух ноября. «А Павел прав. Утро действительно чудесное!» – блеснула в голове приятная мысль. Снежный покров, прошлой ночью укрывший землю белоснежной периной, под яркими лучами солнца переливался всеми цветами радуги. Ива так долго смотрела на этот сверкающий снежный ковёр, что её глазам стало больно. Она их прикрыла, а под монотонный шум мотора и покачивание машины невольно пришли на память лёгкие и полупрозрачные пушкинские строки:

«Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!»

Когда Ива открыла глаза, то увидела, что Павел настороженно смотрит на неё в зеркало заднего вида. Она улыбнулась:

– Паша, не переживай! Со мной всё в полном порядке!

– Ну и слава Богу! А то я и вправду заволновался!

Ива вдохнула полной грудью, расправила плечи, улыбнулась и с чувством стала наизусть читать любимые строки:

«Под голубыми небесами,
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит».

– Прекрасно! Я обожаю Пушкина! – с восторгом продолжила она. – Его произведения – это что-то особенное! В них столько жизненной силы и энергии! Ты чувствуешь это?

– Да, я чувствую, – тихо отозвался Павел, пристально посмотрев в ивины глаза. Его горло неожиданно перехватило от эмоций, ласковая тёплая волна нежно окутала всё его тело с ног до головы, а сердце как-то странно защемило: «Какие же у неё голубые и такие бездонные глаза! Можно сойти с ума!»

* * *

– Ива Марковна, уже пять часов. Я Вам ещё нужна? Или я могу идти домой? – войдя в кабинет директора, неуверенно спросила Катя.

– Конечно, Катюша! Ты уже свободна на сегодня! – бодро ответила Ива, широко улыбувшись. – Да и я, собственно, тоже. А Галина Васильевна ещё здесь?

– Конечно, Ива Марковна. Здесь. Вы хотите, чтобы я её пригласила?

– Да. Спасибо, Катюша. Будь добра.

Вдруг по ивиному уютному кабинету прокатились раскаты междугороднего звонка. Катя заспешила к телефону, чтобы поднять трубку. Ива жестом остановила её, предполагая, что в это время междугородний звонок может прийти только с одного единственного направления. И будет лучше, если она сама и ответит.

– Это Москва, Катя! – от предельного напряжения ивин голос зазвенел, как туго натянутая струна. Поднимая трубку телефона, невероятным усилием воли она заставила свой голос звучать спокойно. – Да, это я, Геннадий Георгиевич... Добрый вечер... Домой? Правду сказать, уже собиралась... Галина Васильевна? Она тоже здесь.

В этот момент дверь кабинета распахнулась, и внутрь помещения влетела полная женщина небольшого роста с испуганным лицом. Ива указала рукой на стул рядом со своим столом, и та осторожно села, нахмутив лоб и стараясь улавливать каждое слово, вылетающее из уст директора.

– Геннадий Георгиевич, а вот и Галина Васильевна подошла, – произнесла Ива, одновременно включая громкую связь. – Вы хотите с ней поговорить?

– Обязательно поговорю! Но не сейчас! – на весь кабинет прорычал низкий резкий голос, заставив главного бухгалтера испуганно заморгать густо накрашенными ресницами, не отрывая при этом глаз от ивиного лица, покрасневшего от внутреннего напряжения. – Сейчас вопрос к тебе, Ива Марковна! Вы что там, к чертям собачьим, творите?! Вы что там, совсем головы потеряли?! Я тут тщательно изучил представленный вами бюджет на следующий год и, охренеть можно, вы просите тридцать два процента! Ты в курсе, что это на семь процентов больше, чем в текущем году?! Я не могу такой ваш бюджет показать ректору! Да он никогда его и не подпишет! Вы что там думаете, мы тут, в Москве, идиоты, что ли? Ну, что молчишь? Отвечай же! Как это так получилось?!

Ива, конечно же, ожидала, что реакция начальства на их бюджет может быть негативной, но что до такой степени – было для неё полной неожиданностью. Эти ругательства, грубое хамство, а также несправедливость по отношению к возглавляемому ею филиалу на какое-то мгновение, что называется, выбили её из кадра. Пауза затянулась. Шок сковал всё тело. Единственное, что она могла сейчас ощущать – это сильные и ритмичные удары сердца, болью отдающиеся в висках. Ива не могла разлепить губы, чтобы сказать хоть что-то в ответ. Но уже через несколько секунд в её груди стала разгораться, мешая дышать, вспышка гнева, постепенно превратившаяся в мощную волну, почти накрывшую её с головой. Сейчас она была готова высказать своему московскому шефу всё, что накопилось в сердце за время их совместной работы. Лишь невероятным усилием воли ей удалось взять себя в руки. «Когда же я, наконец, овладею великим искусством строительства моего счастья из камней, бросаемых в меня?» – промелькнуло в её голове. Ива очень хорошо осознавала, насколько важно для неё самой и для её филиала избежать конфликта, и поэтому тщательно подбирала каждое слово для тактичного и деликатного ответа начальству, принимая во внимание, что все острые углы всё-таки уже не сгладить:

– Геннадий Георгиевич, послушайте, мы же обосновали, для чего нам нужны эти семь процентов в будущем году! Мы же не себе на зарплату это просим. Ведь сколько раз ректор

подчёркивал важность повышения качества образовательных услуг, предоставляемых университетом! А наш филиал – это одна из его составных частей. Но как мы можем говорить о повышении качества, если у нас всего один компьютер на весь филиал?! И тот у главного бухгалтера. Геннадий Георгиевич, две тысячи седьмой год на носу, а наш филиал всё живёт, как в каменном веке. А как же студенты? Филиал существует уже не первый год, а у нас до сих пор нет своей библиотеки? Высококвалифицированные преподавательские кадры с учёными степенями и званиями – тоже невозможная роскошь! Как долго школьные учителя будут у нас преподавать?! Честное слово, мне даже стыдно перед нашими студентами. Деньги за своё образование они платят хорошие, а что, в конечном итоге, получают? Пшик да маленько.

– Ну хорошо! Насчёт книг не беспокойтесь. Мы здесь у нас часть библиотечного фонда обновили. Так что наши старые книги мы можем вам переправить. Это не вопрос. А что касается преподавательских кадров, то придёт время, когда и вы заработаете на кандидатов с докторами. А пока довольствуйтесь школьными учителями. Да, и вот ещё что. Деньги на покупку компьютеров ищите сами! Не вы первые, не вы последние. У нас все филиалы так делают! Почему вы должны быть исключением?!

– Извините, Геннадий Георгиевич, а где же их можно найти?! Кто и где их потерял?! – Ива была практически в бешенстве. И скрывать своё недовольство она уже не могла.

– Слушай, Ива Марковна! Ты, во-первых, не повышай на меня голос. Это раз. А, во-вторых, если твой интеллект не может помочь тебе найти деньги для филиала, то спроси тех, кто знает, как это делать.

– То есть Вас, Геннадий Георгиевич?

– А хотя бы и меня. Опыт кое-какой имеется, – московский руководитель тяжело вздохнул и перешёл на снисходительный тон. – Да, Ива, ты, конечно, молодой директор и опыта у тебя маловато. А поэтому послушай убелённого сединами воина образовательного фронта. Ищи хороших спонсоров в городе. Поняла?

– Нет.

– Ну хорошо, поясню. Ищи людей при положении и деньгах, кто заинтересован в получении диплома нашего университета. Ну а дальше уже сама подумай.

– Геннадий Георгиевич, а как же честь и достоинство университета?

– Ты знаешь что, Ива Марковна! Если не хочешь или не можешь работать в соответствии с условиями, диктуемыми временем, то так и скажи. Всегда найдутся те, кто захочет и сможет! Это ты запомни! – сделав небольшую паузу, он продолжил. – Да, и вот ещё что. Сегодня – пятница. В понедельник, часам к десяти утра, вы должны мне отфаксовать новый бюджет на двадцать пять процентов. У меня – всё. Будь здорова! Хороших выходных!

– Вам также всего хорошего, Геннадий Георгиевич, – еле слышно отозвалась Ива. Она просидела в оцепенении несколько минут. Все мысли куда-то исчезли, как будто бесследно провалились в бездонную пропасть. Затем она медленно поднялась со стула и неторопливо прошла к окну, где простояла ещё некоторое время, устремив свой взор куда-то очень далеко в синеву зимнего вечера. «Как же я устала от свинства и беспредела! Как же хочется оказаться в далёкой сказочной стране, где нет несправедливости и боли!» – подумала Ива. Главный бухгалтер с большим вниманием наблюдала за своим руководителем.

– Ну и что же нам делать с несправедливостью, Галина Васильевна? Бороться с ней, бежать от неё или, быть может, продолжать приспособливаться к ней и дальше? – продолжая смотреть в окно, тихо спросила Ива.

– Ива Марковна, да не переживайте Вы так! – последовал бодрый ответ главного бухгалтера. – Нам ведь не привыкать! Это ещё не проблема – найти спонсоров. А помните, как мы показывали особо интересующимся абитуриентам и их родителям фальшивые лицензию и свидетельство об аккредитации, присланные нам сюда из головного? Вот где страху-то натерпелись, пока, наконец, не получили настоящие?! Помните?

– Конечно, Галина Васильевна! Я всё помню! И очень жалею, что не написала тогда заявление по собственному. И всё бы закончилось одним разом!

– Как знать? А, может случиться, что всё бы только началось? Не забывайте, Ива Марковна, что мы живём и работаем в России. Здесь всё, везде и всегда – через какое-то место! Ах! Что тут говорить! – главный бухгалтер махнула рукой. – А давайте лучше попьём чайку! У нас где-то было овсяное печенье! Пойду посмотрю у Катерины в шкафах.

* * *

Примерно через два часа Ива и Галина Васильевна, закончив свою работу над новым бюджетом, лишаящим филиал даже малейшей возможности улучшить своё положение в течение следующего учебного года, молча сидели на заднем сидении служебного автомобиля.

– Ива Марковна, куда мы сейчас? – осторожно спросил Павел.

– Да, я забыла тебе сказать. Сначала завезём Галину Васильевну, ну а потом и меня.

Всю дорогу до дома Ива сидела молча, удручённо глядя в окно. Пошёл снег, мягко ложась на землю и постепенно покрывая её чистым ковром, скрывающим накопившуюся за день чёрную, как уголь, грязь. «Как здорово, что существует снег, способный освежить и обновить всё вокруг. И как жаль, что снег не может освежить мою душу».

Автомобиль, подъехав к девятиэтажному кирпичному дому, остановился. Ива подняла голову и посмотрела на чёрные пугающие глазницы своей квартиры. «Он ещё не пришёл, – тяжело вздохнув, подумала она. – Не хочу туда! Боюсь! Я устала от одиночества!»

– Устали? – вопрос Павла долетел до Ивы откуда-то издалека, как из другого мира.

– Устала, Паша, – ответила она, тут же испугавшись его вопроса и своего ответа. «Как он мог услышать мои мысли?!» – молниеносно пронеслось в её голове.

– Ну ничего, Вы уже дома. Муж, наверное, уже заждался. Чай согрел.

– Не заждался. И не согрел, – тихо выдавила из себя Ива. – А тебя дома кто-нибудь ждёт? Ты меня извини, но я ведь раньше никогда тебя не спрашивала о твоей семье. Я фактически ничего о тебе не знаю. Как такое могло произойти? Ведь мы с тобой работаем вместе уже не первый день.

– Это нормально, Ива Марковна. Вы – очень занятой человек. А я – всего лишь водитель, – скромно ответил Павел, улыбнувшись. В его словах не было и грамма издёвки, а лишь простота и открытость. – Вы меня спросили, кто меня ждёт дома? Никто меня не ждёт. Несколько лет назад я был женат, но жена ушла от меня к другому. Скорее всего, более благополучному, чем я.

– Во-первых, позволь тебе возразить. Ты не просто водитель, а герой. Ты нас тогда от реальной смерти спас! Я всегда буду это помнить. А, во-вторых, что ты скажешь, если я попрошу тебя увезти меня сейчас как можно дальше от дома? Не знаю куда. Да это, собственно, и не важно.

Павел онемел от неожиданности. Придя в себя, он посмотрел на Иву в упор и еле слышно ответил:

– Я скажу, что не верю своим ушам. Сколько раз в своих фантазиях я представлял, как мы едем вместе с Вами не по делам, а так, гонимые желанием быть вместе...

Он остановился, не договорив. Ивины глаза увлажнились от слёз.

– Я прошу тебя, пожалуйста, не говори мне «Вы», – с трудом, глотая слёзы, выдавила из себя Ива.

– А как же мне к Вам обращаться?

– Обращайся ко мне на «ты». Хорошо?

– Хорошо.

По городу они ехали молча. Ива не могла произнести ни слова, охваченная неопишным страхом, терзавшим её. Мысли металась в голове стаей перепуганных птиц: «Что же я делаю? Я, наверное, сошла с ума! Нужно срочно возвращаться! Может быть, Константин уже пришёл домой!» Когда же машина выехала за пределы города и стала подниматься вверх в гору, Иву захлестнул неопишмый восторг и ощущение полного освобождения:

– Ой, как здорово! Какой чудесный снегопад! А куда мы едем?

– Скоро увидишь. Мы уже почти приехали, – загадочным голосом ответил Павел.

– А мы не застрянем здесь, на горе? Посмотри, какой сильный снегопад!

– Не волнуйтесь. То есть, не волнуйся, не застрянем, – произнёс он. Затем, сделав небольшую паузу, смущённо продолжил. – Хотя я всем сердцем и желал бы обратного.

Он остановил машину на вершине горы и выключил мотор. Наступила пауза. Павел пожалел о последних сказанных словах, предполагая, что мог испугать Иву своей откровенностью.

– Я бы тоже, – тихий, почти еле слышный, ответ прервал затянувшуюся паузу. Павел настолько сильно был поражён такой честностью, что, переполняемый благодарностью и теплотой, он уже не мог более сдерживать свои эмоции, а нежно взял ивину руку и поднёс её к своим губам.

– Я так хочу играть в снежки! С самого детства я не играла в снежки! – аккуратно освободив свою руку, по-детски непосредственно выпалила Ива.

– А почему вы с мужем не играете в снежки? – неожиданно для себя самого спросил Павел и тут же об этом пожалел. Ива вдруг стала грустной и как-то сразу обмякла.

«Какой же я болван и недотёпа! Я должен всё исправить! Сейчас же!» – искра пронеслась по проводам сознания Павла, и он, мгновенно выскочив из машины, подбежал к ивиной двери, распахнул её и за руку выдернул женщину наружу. Затем, быстро слепив большой снежок, бросил его в ивину сторону, промахнувшись. Она, залиvisto смеясь, в свою очередь, тоже слепила снежок и, метнув его в сторону Павла, попала в цель. Они без усталости смеялись и бегали вокруг машины, пока Павел неожиданно не спросил Иву:

– А хочешь, я покажу тебе моё любимое место? Здесь недалеко!

– Конечно, – бодро отозвалась Ива, охваченная любопытством.

Он осторожно взял её за руку и медленно повёл вперёд, прокладывая дорогу в глубоком снегу. В этот самый момент фантазия Ивы настолько сильно разыгралась, что ей уже стало казаться, что Павел выводит её из ледяных чертогов снежной королевы. «Как же здорово!» – подумала она. И так они шли рука в руке, пока перед ивиными глазами не развернулся весь вечерний город, усыпанный золотистыми и серебристыми бусинами светящихся окон домов и уличных фонарей.

– Ой, какое чудо! – вырвалось из её уст. – Как красиво!

Павел поднёс ивины руки к своему лицу, пытаясь согреть их горячим дыханием:

– Ты совсем замёрзла.

– А вот и нет! – смеясь, выкрикнула Ива. Она отдернула руки от его лица и побежала, пытаясь на ходу ухватить снег и слепить из него снежок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.